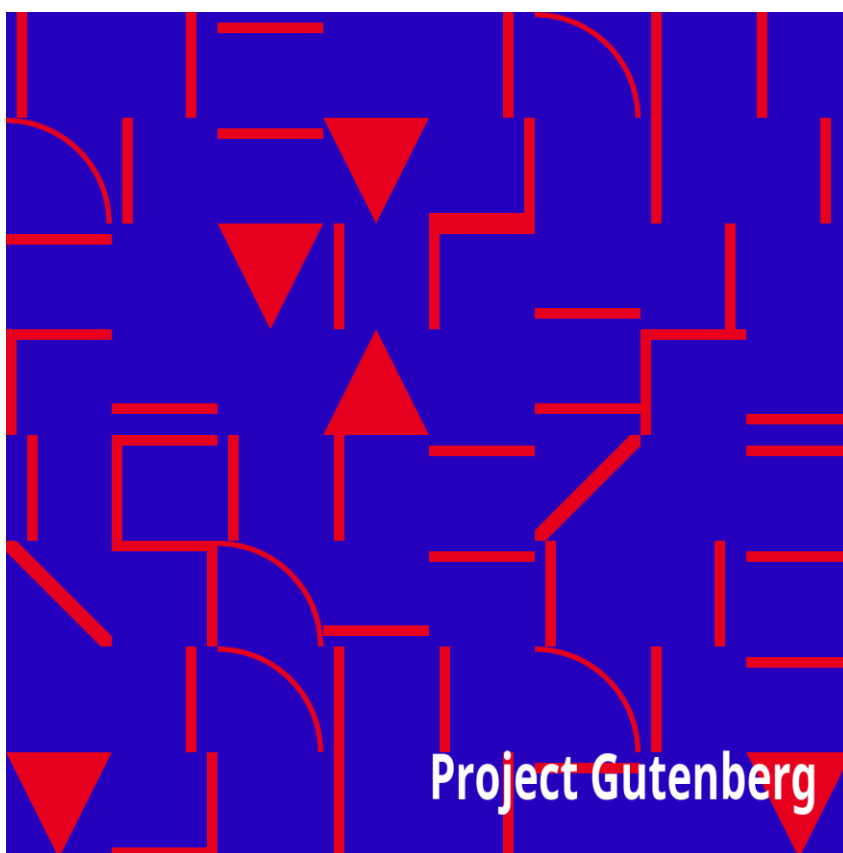

Хетты. История забытой империи

А. Г. Сейс

The Hittites: The story of a Forgotten Empire

A. H. Sayce

The Project Gutenberg eBook of The Hittites: История забытой империи

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях лицензии Project Gutenberg License, прилагаемой к этой электронной книге или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Хетты: История забытой империи

Автор: А. Г. Сейс

Дата выхода: 15 июля 2012 [eBook #40243]

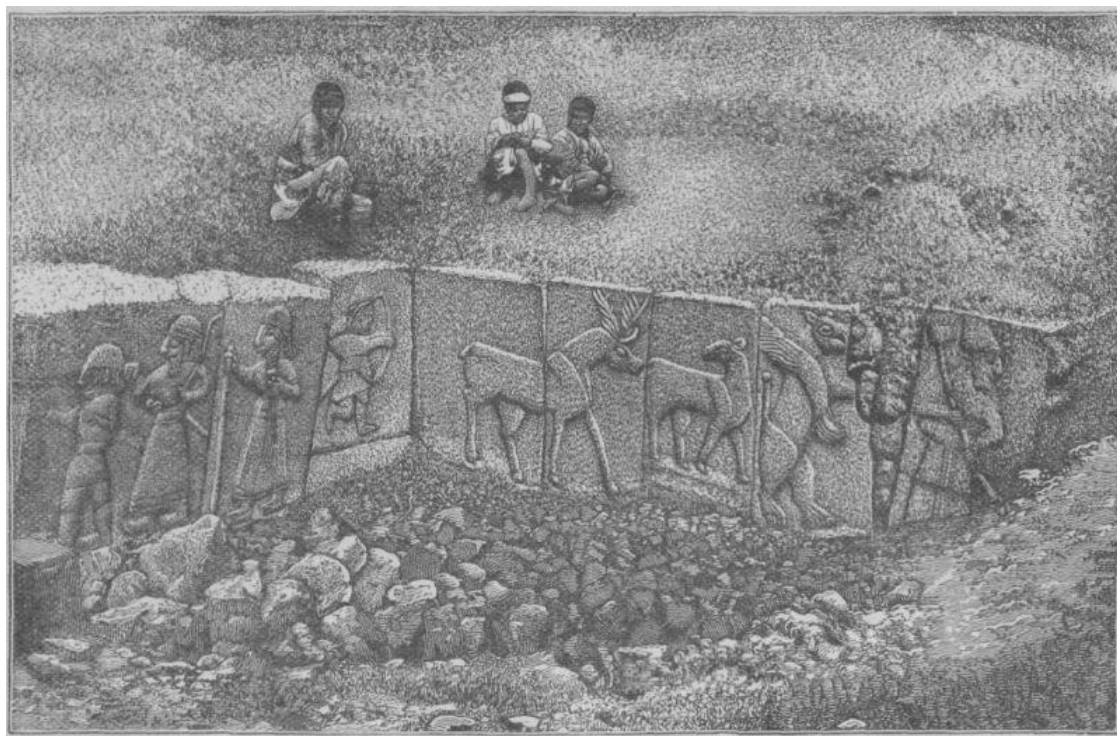
Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Delphine Lettau и Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГА "ХЕТТЫ: ИСТОРИЯ ЗАБЫТОЙ ИМПЕРИИ" ***

Электронная книга проекта "Гутенберг", "Хетты", автор А. Х. Сайс

ПЛИТЫ С ХЕТТСКОЙ СКУЛЬПТУРОЙ.

Пути познания Библии.

XII.

ХИТИТЫ

ИСТОРИЯ ЗАБЫТОЙ ИМПЕРИИ.

A. H. SAYCE, LL.D.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРОФЕССОРА ФИЛОЛОГИИ В ОКСФОРДЕ;

АВТОР КНИГ "СВЕЖИЙ СВЕТ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ", "АССИРИЯ, ЕЕ КНЯЗЬЯ, ЖРЕЦЫ И ИСТОРИЯ ЗАБЫТОЙ ИМПЕРИИ".

"АССИРИЯ, ЕЕ КНЯЗЬЯ, ЖРЕЦЫ И НАРОД" И Т.Д. И Т.П.

Второе издание

ОБЩЕСТВО РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАКТАТОВ,
56 Paternoster Row, 65 St. Paul's Churchyard, и 164 Piccadilly.
1890.

Оксфорд
ГОРАЦИЙ ХАРТ, ПЕЧАТНИК УНИВЕРСИТЕТА

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Открытие важного места, некогда занимаемого хеттами, было названо "романтикой древней истории". Ничто не может быть более интересным, чем воскрешение забытого народа, особенно когда этот народ так тесно связан с ветхозаветной историей и судьбами избранной расы. О том, как это воскрешение было достигнуто путем объединения фрагментарных свидетельств египетских и ассирийских надписей, странных на вид памятников в Малой Азии и все еще не расшифрованных иероглифов, будет рассказано на следующих страницах. Удивительно подумать, что всего десять лет назад "роман" не мог быть написан, а роль, которую сыграли хеттские народы в истории мира, все еще оставалась недосказанной. Однако теперь мы как бы познакомились с друзьями Авраама и расой, к которой принадлежал Урия.

Им уже посвящена большая и все возрастающая литература. Первый камень, заложенный моей статьей "О памятниках хеттов" в 1880 году, был увенчан величественным зданием в книге доктора Райта *"Империя хеттов"*, второе издание которой появилось в 1886 году, и в четвертом томе великолепной работы профессора Перро и М. Шипьеца *"История искусства в античности"*, опубликованной в Париже год назад. Богато иллюстрированная, последняя работа представляет нам жизненную картину хеттской архитектуры и искусства.

Вряд ли пройдет много времени, прежде чем надписи, оставленные нам хеттами в их особой форме иероглифического письма, также раскроют свои секреты. Все, что требуется, - это больше материалов для работы, и тогда мы узнаем, какая из попыток объяснить их, если таковая имела место до сих пор, попала в точку. Система дешифровки майора Кондера пока не получила поддержки других ученых; не получила поддержки и конкурирующая система мистера Болла, как бы гениальна и эрудированна она ни была. Но если судить по успехам последних нескольких лет, то пройдет не так много времени, прежде чем мы будем знать о хеттском языке и письменности столько же, сколько сейчас знаем о хеттском искусстве и цивилизации. Процитируем слова доктора Райта: "Мы должны трудиться, чтобы развязать немой язык этих надписей и раскрыть их тайны, не с целью найти в них что-то сенсационное или продвинуть какую-то теорию, а из любви к знанию того, что они действительно содержат; и я не сомневаюсь, что, придерживаясь правильного метода исследования, мы достигнем результатов, удовлетворительных для восточного ученого и подтверждающих Божественную истину".

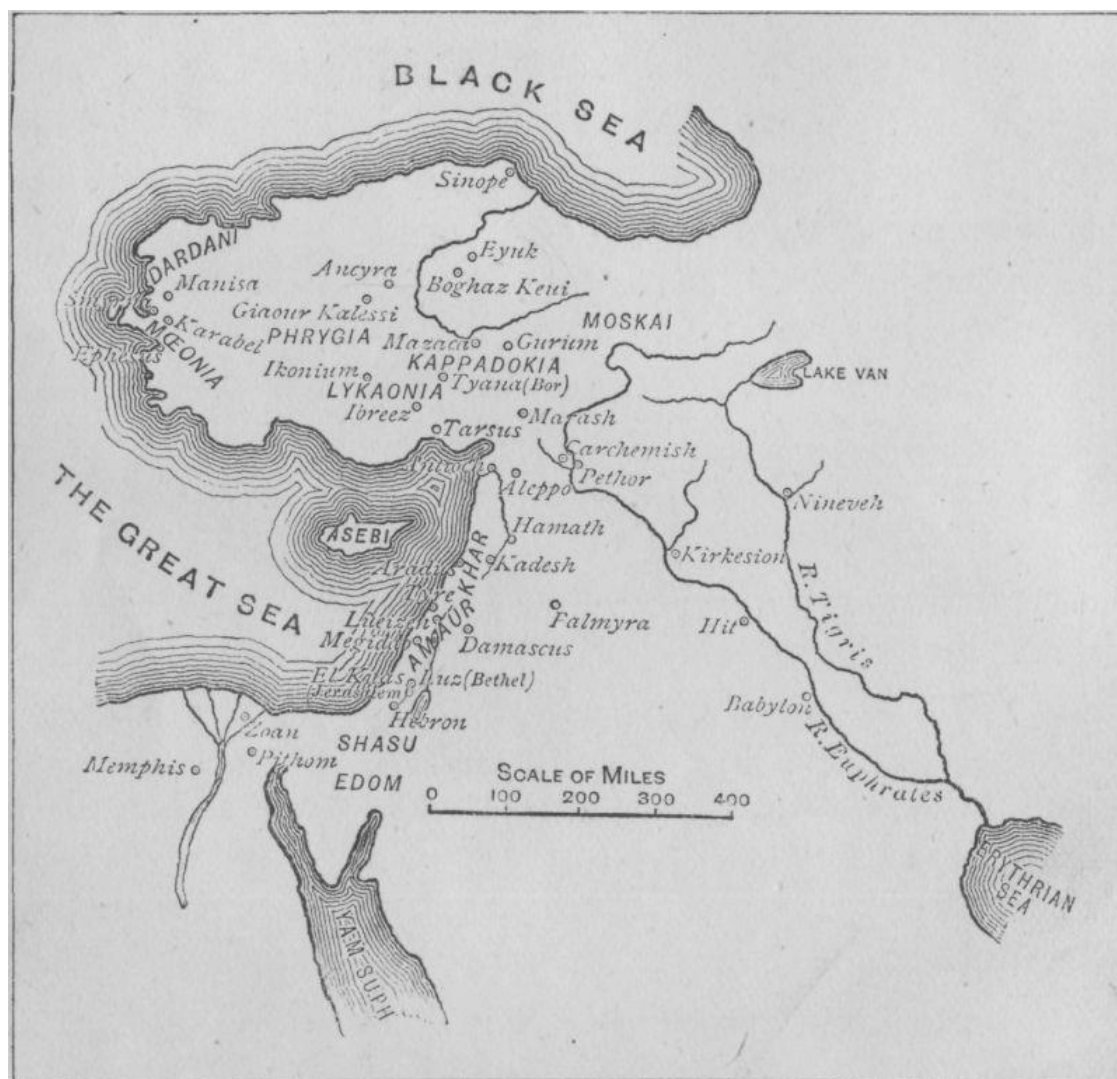
A. H. SAYCE.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА.	СТРАНИЦА
I. Хетты в Библии	11
II. Хетты на памятниках Египта и Ассирии	19
III. Хеттские памятники	54
IV. Хеттская империя	73
V. Хеттские города и раса	97
VI. Хеттская религия и искусство	104
VII. Надписи	122
VIII. Хеттская торговля и промышленность	136

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

	СТРАНИЦА
Плиты с хеттской скульптурой в Келлере близ Айнтаба	<i>Фронтиспис</i>
Карта, иллюстрирующая границы Хеттской империи	10
Плита, найденная в Мераше	54
Плиты с хеттскими скульптурами, найденные в Келлере около Айнтаба	63
Псевдо-Сесострис, высеченный на скале на перевале Карабель	67
Памятник хеттскому царю, найденный в Кархемише	72
Двуглавый орел из Эюка	84
Скульптуры в Богаз Кеуи	88
Скульптуры в Богаз Кеуи	91
Надпись, найденная в Кархемише (<i>ныне разрушенном</i>)	122
Двухязычный босс Таркондемоса	127
Лев из Мераша	131

КАРТА,

ИЛЛЮСТРИРУЮЩАЯ ГРАНИЦЫ ХЕТТСКОЙ ИМПЕРИИ.

(Скопировано с разрешения из "Империи хеттов").

ХИТИТЫ

ИСТОРИЯ ЗАБЫТОЙ ИМПЕРИИ.

ГЛАВА I.

БИБЛЕЙСКИЕ ХЕТТЫ.

Во Второй книге Царств (vii. 6) рассказывается, что когда сирийцы расположились лагерем у Самарии и Господь навел на них панику, "они сказали друг другу: вот, царь Израильский нанял против нас царей Хеттеев и царей Египетских, чтобы они пришли на нас". Почти сорок лет назад один выдающийся ученый выбрал этот отрывок для своей критики. Его "неисторический тон", - заявил он, - "слишком очевиден, чтобы мы могли легко поверить в

него". Ни один из хеттских царей не мог сравниться по могуществу с царем Иуды, реальным и ближайшим союзником, который вообще не назван... и нет ни единого признака знакомства с современной историей".

Недавние открытия опровергли возражения критика. Теперь доказано, что не библейский, а современный автор не был знаком с современной историей того времени. Хетты были вполне реальной державой. За несколько столетий до эпохи Елисея они оспаривали у египтян империю в Западной Азии, и хотя их могущество пошло на убыль во времена Иехорама, они все еще были грозными врагами и полезными союзниками. Они все еще были достойны сравнения с разделенным царством Египта и бесконечно более могущественны, чем царство Иуды.

Но больше мы не слышим о них в последующих записях Ветхого Завета. Эпоха господства хеттов относится к более раннему периоду, чем становление монархии в Израиле; можно даже сказать, более раннему, чем израильское завоевание Ханаана. Упоминания о них в поздних исторических книгах ветхозаветного канона редки и скудны. Предатель, передавший Бет-Эль дому Иосифа, бежал "в землю Хеттеев" (Суд. i. 26) и построил там город, который назвал Луз. Мистер Томкинс считает, что нашел его в городе Латса, захваченном египетским царем Рамзесом II, который он отождествляет с Калб Лузех в Северной Сирии. Однако, как бы то ни было, измененное прочтение текста, основанное на Септуагинте, превращает непонятного Тахтима-ходши из 2 Цар. xxiv. 6 в "хеттов Кадеша", города, который долгое время оставался их главным оплотом в долине Оронта. Именно до этого города, расположенного у "входа в Хамат" на северной границе Израильского царства, пробирались офицеры Давида, посланные перечислить Израиль. Наконец, в царствование Соломона хетты снова упоминаются (1 Царств x. 28, 29) в отрывке, где авторизованный перевод затуманил смысл. В исправленном варианте он звучит так: "И вывели из Египта коней, которые были у Соломона, и купцы царские получили их толпами, каждый по своей цене. И выехала колесница из Египта за шестьсот сиклей серебра, и конь за 1600 сто пятьдесят; и так для всех царей хеттских и для царей сирийских, вывезли они их своими средствами". Еврейские купцы, по сути, были посредниками между Египтом и севером и вывозили коней из Египта не только для царя Израиля, но и для царей хеттов.

Хетты, чьи города и князья упоминаются в поздних исторических книгах Ветхого Завета, принадлежали к северу, а Хамат и Кадеш на Оронте были их самыми южными точками. Но Книга Бытия знакомит нас с другими хеттами - "сынами Хета", как они называются, - чьи места обитания находились на крайнем юге Палестины. Именно у Ефрона Хеттеянина Авраам купил пещеру Махпела в Хевроне (Быт. xxiii.), а Исав "взял в жены Иудифь, дочь Бери Хеттеянина, и Вацмат, дочь Елона Хеттеянина" (Быт. xxvi. 34), или, как сказано в другом месте, "Аду, дочь Елона Хеттеянина" (Быт. xxxvi. 2). Должно быть, именно на этих южных хеттов ссылается этнографическая таблица в десятой главе Бытия, когда говорится, что "Ханаан родил Сидона, первенца своего, и Хета" (стих 15), и никак иначе нельзя объяснить утверждение Иезекииля (xvi. 3, 45), что "отец" Иерусалима "был аморей, а мать его - хеттеянка". Урия Хеттеянин, доверенное лицо Давида, тоже, должно быть, происходил из окрестностей Хеврона, где Давид царствовал семь лет, а не из далеких северных хеттов. Таким образом, помимо последних, вокруг Хеврона проживало хеттское население, которому отчасти обязан своим происхождением Иерусалим.

Следует заметить, что пророк приписывает основание Иерусалима не только хеттам, но и аморреям. Соответственно, иевусеи, из рук которых Давид вырвал город, должны были принадлежать к одной или другой из этих двух великих рас, а возможно, и к обеим. Во всяком случае, в других местах мы видим, что хетты и амориты тесно связаны друг с другом. Так было

в Хевроне, где во времена Авраама жил не только хетт Ефрон, но и три сына аморрея Мамре (Быт. xiv. 13). Египетские памятники свидетельствуют о том, что эти два народа были объединены в Кадеше на Оронте. Кадеш был хеттской крепостью; тем не менее он описан как "в земле Амаура" или амореев, а его царь изображен с физическими характеристиками аморея, а не хетта. Дальше к северу, в стране, которую хетты сделали своей, существовали города, носившие названия, по-видимому, скомбинированные с аморейскими, и общее ассирийское название района, в котором находился Дамаск, Гар-эмерис, лучше всего объясняется как "*Гар* амореев". Сихем был взят Иаковом "из руки Аморрея" (Быт. xlviii. 22), а аморрейское царство Ога и Сигона включало большие территории по восточную сторону Иордана. К югу от Палестины горный массив, на котором стояло святилище Кадеш-Барнеа, был владением аморитов (Быт. xiv. 7, Втор. i. 19, 20); из Числ. xiii. 29 мы узнаем, что в то время как амаликитяне обитали "в земле южной", а ханаанеи - у моря и в долине Иордана, хетты, иевусеи и амориты жили вместе в горах внутренних. Среди пяти царей аморреев, с которыми сражался Иисус Навин (Иис. x. 5), были царь Иерусалима и царь Хеврона.

Таким образом, хетты и амориты смешались в горах Палестины, как две расы, которые, как говорят этнологи, образуют современный кельтский народ. Но египетские памятники говорят нам, что они были совершенно разного происхождения и характера. Хетты были народом с желтой кожей и "монголоидными" чертами лица, чьи покатые лбы, косые глаза и выступающие верхние челюсти изображены на их собственных памятниках так же достоверно, как и на памятниках Египта, так что мы не можем обвинить египетских художников в карикатурном изображении своих врагов. Если египтяне и сделали хеттов уродливыми, то только потому, что они были такими в действительности. Амориты, напротив, были высоким и красивым народом. Они изображены с белой кожей, голубыми глазами и рыжеватыми волосами - все характеристики, по сути, белой расы. Мистер Петри указывает на их сходство с дарданцами из Малой Азии, которые составляют промежуточное звено между белокожими племенами греческих морей и светлокожими ливийцами Северной Африки. Последние все еще встречаются в большом количестве в горных районах, простирающихся к востоку от Марокко, и обычно известны французам под именем кабылов. Путешественник, впервые встретившийся с ними в Алжире, не может не поразиться их сходству с определенной частью населения Британских островов. Их белоснежная веснушчатая кожа, голубые глаза, золотисто-рыжие волосы и высокий рост напоминают ему прекрасных кельтов из ирландской деревни; а когда мы обнаруживаем, что их черепа так называемого долихоцефалического или "длинноголового" типа совпадают с черепами, найденными в доисторических кромлехах страны, где они все еще обитают, мы можем заключить, что они представляют собой современных потомков белокожих ливийцев из египетских памятников.

В Палестине также до сих пор встречаются представители светлокожей голубоглазой расы, в которых мы можем видеть потомков древних аморитов, так же как в кабылах мы видим потомков древних ливийцев. Мы знаем, что аморейский тип продолжал существовать в Иудее еще долго после израильского завоевания Ханаана. Пленники, уведенные Шишаком из южных городов Иудеи во времена Реховоама и изображенные им на стенах великого Карнакского храма, - люди аморейского происхождения. Их "правильный профиль субаквальной формы", как описывает его мистер Томкинс, их высокие скулы и воинственное выражение лица - это черты аморитов, а не евреев.

Высокий рост всегда был отличительной чертой белой расы. Именно поэтому анакимы, аморейские жители Хеврона, показались еврейским разведчикам гигантами, в то время как сами они были "как кузнечики" рядом с ними (Числ. xiii. 33). После израильского вторжения

остатки анакимов остались в Газе, Гате и Ашкелоне (Иос. xi. 22), а во времена Давида Голиаф из Гата и его гигантская семья были предметом страха для их соседей (2 Цар. xxi. 15-22).

Таким образом, очевидно, что амориты Ханаана принадлежали к той же белой расе, что и ливийцы Северной Африки, и, как и они, предпочитали горы жарким равнинам и долинам. Сами ливийцы принадлежали к расе, которую можно проследить через Испанский полуостров и западную часть Франции до Британских островов. Любопытно, что везде, где распространялась эта ветвь белой расы, ее сопровождала особая форма кромлеха, или погребальной камеры, построенной из больших неотесанных камней. Камни устанавливаются вертикально в землю и накрываются другими большими плитами, после чего вся камера скрывается под курганом из мелких камней или земли. Нередко к входу в кромлех ведет своеобразный коридор. Такие кромлехи встречаются в Британии, во Франции, в Испании, в Северной Африке и в Палестине, особенно на восточной стороне Иордана, а черепа, которые были из них извлечены, - это черепа людей долихоцефалического или длинноголового типа.

Необходимо подробно остановиться на том, что было обнаружено в ходе последних исследований относительно амореев, чтобы показать, насколько тщательно следует отличать их от хеттов, с которыми они впоследствии смешались. Они, должно быть, владели Палестиной задолго до прихода туда хеттов. Они занимали гораздо более обширную территорию, поскольку нет никаких следов хеттов в Сихеме или на восточном берегу Иордана, где амориты основали два мощных царства; а самое раннее упоминание аморитов в Библии (Быт. xiv. 7) описывает их как обитателей Хазезон-Тамара, или Эн-Геди, на берегу Мертвого моря, где, как известно, никогда не селились хетты. Кроме того, колония хеттов в Палестине была ограничена небольшим районом в горах Иуды: их сила лежала далеко на севере, где амориты были сравнительно слабы. Верно, что Кадеш на Оронте был в руках хеттов; но верно и то, что он находился "в земле Аморреев", а это подразумевает, что они были его первоначальными обитателями. Мы должны считать аморреев более ранним населением, среди части которого хетты в более поздние времена поселились и вступали в браки. В какую эпоху произошло это событие, мы до сих пор не можем сказать.

ГЛАВА II.

ХЕТТЫ НА ПАМЯТНИКАХ ЕГИПТА И АССИРИИ.

В предыдущей главе мы видели, что Библия рассказывает нам о "сынах Хета". Это был важный народ на севере Сирии, которым правили "цари" во времена Соломона, и чья власть была грозной для их сирийских соседей. Но была также их ветвь, обосновавшаяся на крайнем юге Палестины, где они обитали в горах вместе с аморреями и принимали участие в основании Иерусалима. Именно у одного из них, Ефрона, сына Зохара, Авраам купил пещеру Махпела в Хевроне, а одна из жен Исава была хеттского происхождения. В более поздние времена Урия Хеттеянин был одним из главных офицеров Давида, а его жена Бат-Шеба была не только матерью Соломона, но и далекой прародительницей Христа. Поэтому для нас эти хетты из Иудеи представляют особый и своеобразный интерес.

Расшифровка надписей Египта и Ассирии пролила новый свет на их происхождение и историю и показала, что раса, к которой они принадлежали, когда-то играла ведущую роль в

истории цивилизованного Востока. На египетских памятниках они называются Хета (или лучше Хата), на ассирийских - Хатта или Хате, оба слова являются точными эквивалентами древнееврейских Кхет и Хитти.

Хеты или хетты впервые появляются на сцене во времена Восемнадцатой египетской династии. Иноземное владычество гиксосов или князей Шепарда было свергнуто, Египет восстановил свою независимость, и его цари решили отомстить Азии за страдания, причиненные их собственной стране азиатским захватчиком. Война, начавшаяся с изгнания азиата из Дельты, закончилась нападением на него в его собственных землях - Палестине и Сирии. Тотмес I (около 1600 г. до н. э.) совершил поход к берегам Евфрата и установил "границу империи" в стране Нахарина. Нахарина - это библейский Арам Нахараим или "Сирия двух рек", более известная, возможно, как Месопотамия, и ее положение было установлено в результате недавних открытий. Ассирийцы называли этот район Митанни, описывая его как находящийся "перед землей хеттов", на восточном берегу Евфрата, между Кархемишем и устьем реки Балих. В эпоху Тотмеса I это было ведущее государство в Западной Азии. Хетты еще не успели стать грозными, и самым опасным врагом, с которым пришлось столкнуться египетскому монарху, был народ, царем которого в более поздние времена был Чушан-риша-тайм (Суд. iii. 8). Только в правление его сына, Тотмеса III, хетты выходят на первый план. Их различают на "великих" и "малых", причем последнее название, возможно, обозначает хеттов, живших на юге Иудеи. Как бы то ни было, Тотмес получил дань от "царя великой земли Кхета", которая состояла из золота, негров-рабов, мужчин-слуг и служанок, волов и слуг. Были ли хетты еще во владении Кадеша, мы не знаем. Если да, то они должны были принять участие в борьбе с египтянами, которая происходила у стен Мегиддо и была решена в пользу Тотмеса только после долгой серии походов.

Перед смертью Тотмес сделал Египет хозяйкой Палестины и Сирии вплоть до берегов Евфрата и земли Нахарина. Один из самых храбрых его полководцев рассказывает на стенах своей гробницы, как он захватывал пленных в окрестностях Алеппо и переходил вброд воды Евфрата, когда его хозяин штурмовал могущественную хеттскую крепость Кархемиш. Кадеш на Оронте уже пал, и некоторое время вся Западная Азия выражала почтение египетскому монарху, даже царь Ассирии посылал ему подарки и, как казалось, добивался его союза. Египетская империя коснулась земли Нахарина на востоке и "великой земли хеттов" на севере.

Но столь могущественные соседи не могли долго оставаться в мире. Фрагментарная надпись гласит, что первый поход Тотмеса IV, внука Тотмеса III, был направлен против хеттов, а Аменофис III, сын и преемник Тотмеса IV, счел необходимым поддержать себя, заключив брачный союз с царем Нахарины. Этот брак имел странные последствия для Египта. Новая царица принесла с собой не только чужое имя и чужие обычаи, но и чужую веру. Она отказалась поклоняться фиванскому Амуну и другим богам Египта и придерживалась религии своих отцов, высшим объектом поклонения которых был солнечный диск. Сами хеттские памятники свидетельствуют о распространенности этого культа в Северной Сирии. Крылатый солнечный диск изображен над фигурой царя, которая была привезена из Биреджика на Евфрате в Британский музей; и даже в Бохаз Кеуи, далеко в Северной Малой Азии, крылатый солнечный диск был высечен хеттскими скульпторами на скале.

Аменофис IV, сын Аменофиса III, был воспитан в вере своей матери, а после вступления на престол попытался навязать новое вероучение своим невольным подданным. Могущественное фиванское жречество некоторое время противостояло ему, но в конце концов он принял имя Ху-н-Атен, "оживление солнечного диска", и, покинув Фивы и их древние храмы, построил себе новую столицу, посвященную новому божеству. Она стояла на

восточном берегу Нила, к северу от Ассиута, и длинная череда ее руин теперь известна местным жителям под названием Тель-эль-Амарна. Город был полон приверженцев нового вероучения, и их гробницы до сих пор можно найти в скалах, ограждающих пустыню на востоке. Однако его существование было недолгим. После смерти Ху-н-Атена, "царя-еретика", его трон заняли один или два принца, принявших его веру; но их правление было недолгим, и им на смену пришел монарх, который вновь вернулся к религии своих предков. Столица Ху-н-Атен была заброшена, а найденные на ее месте предметы свидетельствуют о том, что она никогда больше не была обитаема.

Среди ее руин недавно было сделано открытие, которое проливает неожиданный свет на историю восточного мира за столетие до Исхода. Была найдена большая коллекция глиняных табличек, похожих на те, что были извлечены из курганов Ниневии и Вавилонии, и, как и последние, написанных клинописью и на ассиро-вавилонском языке. По большей части они состоят из писем и депеш, отправленных Ху-н-Атену и его отцу Аменофису III губернаторами и правителями Палестины, Сирии, Месопотамии и Вавилонии, и доказывают, что в то время вавилонский был международным языком, а сложная клинописная система письма - общим средством общения образованного мира. Многие из них были перенесены Ху-н-Атеном из царских архивов Фив в его новый город Тель-эль-Амарну; остальные были получены и сохранены после постройки нового города. Из них мы узнаем, что хетты уже продвигались на юг и вызвали серьезную тревогу у правителей и союзников египетского царя. Одна из табличек представляет собой депешу из Северной Сирии, в которой египетский монарх молится о скорейшей отправке помощи против них.

Ересь Ху-н-Атена принесла в Египет смуту и раскол, а его ближайшие преемники, похоже, были вынуждены удалиться из Сирии. Не имея возможности помочь своим союзникам, египетские полководцы оказались не в состоянии противостоять хеттским армиям. Рамсес I., основатель Девятнадцатой династии, был вынужден заключить оборонительный и наступательный договор с хеттским царем Саплелом и тем самым признать, что власть хеттов была наравне с властью Египта.

С этого времени можно говорить о Хеттской империи. Кадеш снова оказался в руках хеттов, а влияние, которым раньше пользовался Египет в Палестине и Сирии, теперь было у его соперника. Грубые горцы Тавра спустились на плодородные равнины юга, прервав общение между Вавилонией и Ханааном и вытеснив клинопись Халдеи своим иероглифическим письмом. Отныне вавилонский язык перестал быть языком дипломатии и образования.

При Сети I, сыне и преемнике Рамсеса, могущество Египта вновь возродилось. Он прогнал бедуинов и других мародеров через границы пустыни и перенес войну в саму Сирию. В городах филистимлян снова появились египетские гарнизоны; Сети дошел со своими войсками до Оронта, внезапно обрушился на Кадеш и взял его штурмом. Началась война между Египтом и хеттами, которая продолжалась следующие полвека. Египет был совершенно истощен и, несмотря на тщеславные хвастовства своих писак и поэтов, был рад заключить мир, который фактически передал его соперникам владение Малой Азией.

Но сначала успех ждал руки Сети. Он снова повел свои войска к Евфрату и границам Нахарины и заставил Маутала, хеттского монарха, просить о мире. Туземцы Ливана встретили его с восторгом и срубили свои кедровые деревья для его кораблей на Ниле.

Однако когда Сети умер, хетты снова овладели Кадешем, и между ними и его сыном Рамсесом II началась война. Долгое правление Рамсеса II было непрерывной борьбой с его грозными врагами. Война велась с переменным успехом. Иногда победа склонялась на сторону египтян, иногда - на сторону их хеттских врагов. Главным же ее результатом стало

разорение и бедствие городов ханаанцев. Их земля была опустошена враждебными армиями, которые прошли по ней; их города были разграблены, то хеттскими захватчиками с севера, то воинами Рамсеса с юга. Неудивительно, что их жители бежали в островные крепости, такие как Тир, бросив город на материке, который, по словам египетского путешественника эпохи Рамсеса, был сожжен незадолго до этого. Теперь мы можем понять, почему они оказали столь незначительное сопротивление вторгшимся израильтянам. Исход произошел вскоре после смерти Рамсеса II, фараона-угнетателя; когда Иисус Навин вошел в Палестину, он обнаружил там разобщенный народ и страну, истощенную долгими и страшными войнами предыдущего столетия. Хетты подготовили почву для завоевания израильтянами Ханаана.

Пентаур, своего рода египетский поэт-лауреат, оставил нам эпос, в котором описываются героические деяния Рамсеса в его первом походе против хеттов. Фактическим событием, послужившим поводом для создания эпоса, был акт храбрости, совершенный египетским монархом перед стенами Кадеша; но поэт превратил его в героя, способного на сверхчеловеческие поступки, и таким образом создал эпическую поэму, напоминающую греческую "Илиаду". Ее детали, однако, позволяют лучше понять историю того времени и показывают, на какую высоту поднялась хеттская империя. Ее царь мог призвать к себе на помощь вассалов-союзников не только из Сирии, но и из отдаленных регионов Малой Азии. Купцы Кархемиша, жители острова Арвад признавали его верховенство вместе дарданцами Трояда и мейонцами Лидии. Хеттская империя уже была реальностью, простираясь от берегов Евфрата до берегов Эгейского моря, и включала в себя как культурных семитов Сирии, так и грубых варваров греческих морей.

Именно на пятом году правления Рамсеса (1283 г. до н. э.) произошло событие, которое прославил египетский Гомер. Египетские войска продвинулись к Оронту и окрестностям Кадеша. Там были захвачены два бедуинских шпиона, которые утверждали, что хеттский царь находится далеко на севере со своими войсками, расположившимися лагерем в Алеппо. Но сведения оказались ложными. Хетты и их союзники, многочисленные, как песок на морском берегу, действительно лежали в засаде неподалеку. В их рядах были воины Нахарины, дарданцев и Мисии, а также других многочисленных народов, которые теперь владели хеттским владением. Хеттский монарх "не оставил ни одного человека на своем пути, не захватив их с собой". Их число было бесконечно, ничего подобного не было прежде. Они покрывали горы и долины, как кузнечики, по своей численности. Он не оставил со своими людьми ни серебра, ни золота; он забрал все их товары и имущество, чтобы отдать их тем, кто сопровождал его на войну".

Все войско затаилось в засаде на северо-западной стороне Кадеша. Внезапно они поднялись и обрушились на перепуганных египтян у вод Аморрейского озера, современного озера Хомс. Колесницы и кони набросились на "легион Ра-Хормахиса", и "пешие и конные пали перед ними". Новость донесли до фараона. Он встал, как его отец Месяц, схватил свое оружие и надел свои доспехи, как Ваал". Его конь "Победа в Фивах" понес его на своей колеснице в гущу врагов. Тогда он оглянулся, и увидел, что он один. Самые храбрые герои хеттского войска преграждали ему путь, и 2500 вражеских колесниц окружали его. Он был брошен посреди врага: ни одного князя, ни одного военачальника не было с ним. Тогда в крайней нужде фараон воззвал к своему богу Амуну. Где ты, отец мой Амун? Если это значит, что отец забыл своего сына, то разве я сделал что-нибудь без твоего ведома, или я не ходил и не следовал заповедям уст твоих? Никогда не преступал я заповедей уст твоих и не нарушал заповедей твоих ни в чем. Советник, повелитель Египта, заставляющий склоняться перед тобой противостоящие тебе народы, что такое эти народы Азии для твоего сердца? Амун

низводит их, не знающих Бога.... Вот, Амун, я нахожусь посреди многих неизвестных народов в великом множестве. Все объединились, а я один: никого нет со мной; воины мои и возницы мои покинули меня. Я звал их, и ни один из них не услышал моего голоса".

Прошение Рамсеса было услышано. Амун "протянул руку" и объявил, что пришел помочь фараону в борьбе с его врагами. Тогда на Рамсеса снизошла сверхъестественная сила. "Я метнул дротик правой рукой, я сражался левой. Я был подобен Ваалу в его час перед их глазами. Я нашел 2500 колесниц; я был посреди них; но они были разбиты на куски перед моими конями". Земля была покрыта убитыми, и хеттский царь в ужасе бежал. Его князья снова собрались вокруг фараона, и снова Рамсес рассеял их в мгновение ока. Шесть раз он бросался на хеттов, и шесть раз они разбивались и погибали. Сила Ваала была "во всех конечностях" египетского царя.

Наконец-то его слуги пришли ему на помощь. Но победа уже была одержана, и фараону оставалось только упрекнуть свою армию за трусость и леность. "Разве я не отдал каждому из вас то, что хорошо, - восклицает он, - что вы оставили меня, так что я остался один среди враждебных войск? Покинутый вами, жизнь моя была в опасности, а вы дышали спокойно, и я был один. Разве не могли вы сказать в сердцах своих, что я для вас - железный вал? Именно кони царской колесницы, а не войска заслуживали награды, и они ее получают, когда царь благополучно вернется домой. Итак, Рамсес "вернулся с победой и силой; он поразил сотни тысяч в одном месте своей рукой".

На рассвете следующего утра он пожелал возобновить сражение. Змея, сиявшая на его диадеме, "плюнула огнем" в лицо его врагам. Они были потрясены подвигом, который он совершил в одиночку накануне, и побоялись возобновить бой. Они остались вдали и бросились на землю, чтобы умолять царя перед [его войском]. И царь одержал над ними верх и убил их, не дав им спастись. Как тела валялись перед конями его, так и они лежали, распростертые все вместе, в крови своей. Тогда царь враждебного народа хеттов послал гонца с мольбой к великому имени царя, говоря при этом: "Ты - Ра-Хормакис. Твой ужас на земле хеттов, ибо ты сломал шею хеттам на веки вечные".

Армия Рамсеса поддержала молитву глашатая о том, чтобы египтяне и хетты отныне были "братьями друг другу". Соответственно, был заключен договор, но вскоре он был нарушен, и только шестнадцать лет спустя между двумя враждующими державами был окончательно установлен мир.

Акт личной доблести, на котором построена героическая поэма Пентаура, возможно, прикрывал то, что на самом деле было сдерживающим фактором для египетского оружия. Во всяком случае, важно, что не было предпринято никаких попыток захватить Кадеш и что даже поэт признает, насколько египетские солдаты были готовы примириться со своими врагами. Не менее важно и то, что война с хеттами продолжалась; на восьмом году правления фараона Палестина была захвачена, а некоторые города взяты, в том числе Давур или Табор "в земле амореев", в то время как другие кампании были направлены против Ашкелона на юге и города Тунеп или Тенниб на севере. Когда в двадцать первый год правления Рамсеса был наконец заключен прочный мирный договор, его условия показали, что "великий царь хеттов" вел переговоры с великим царем Египта на равных, и что даже сам Рамсес, которого позднее легенда возвеличила до уровня греческого Сесостриса, был готов признать силу своих хеттских противников. Договор был скреплен браком фараона с дочерью хеттского царя.

Договор, полным египетским текстом которого мы располагаем, был весьма примечательным не только потому, что это первый известный нам договор такого рода, но и по своему содержанию. Он заключался следующим образом[1] :-.

"В двадцать первый год, в месяц Тиби, в 21-й день месяца, в царствование царя Рамессу Миамуна, подателя жизни вечно и навечно, поклоняющегося божествам Амону-Ра (из Фив), Хормаху (из Гелиополя), Птаху (в Мемфисе), Мут, владычице Пепельного озера (близ Карнака), и Хонсу, миролюбивому, произошло публичное восседание на троне Гора среди живых, похожего на своего отца Хормаху в вечности, в вечности, в вечности, в вечности.

В тот день царь находился в городе Рамсеса, принося мирные жертвы отцу своему Амону-Ра и богам Хормаху-Туму, Птаху из Рамессу-Миамуна и Сутеху, сильному, сыну богини неба Нут, чтобы они даровали ему тридцатилетние юбилейные пиры и бесчисленные счастливые годы, и подчинение всех народов под ноги его навеки.

Тогда явился посол царя и Адон [его дома, по имени ..., и представил послов] великого царя Хеты, Хета-сира, которые были отправлены к фараону, чтобы предложить дружбу царю Рамессу Миамуну, раздающему жизнь вечно и навечно, как и его отец Бог-Солнце [раздает ее] каждый день.

Это копия содержимого серебряной скрижали, которую великий царь Кхета, Кхета-сира, велел сделать и которая была представлена фараону рукой его посла Тартисебу и его посла Ра-меса, чтобы предложить дружбу царю Рамессу Миамуну, быку среди князей, который ставит свои межи там, где ему угодно, во всех землях.

Договор, который предложил великий царь Хета, Хета-сира, могущественный, сын Маур-сира, могущественный, сын сына Сапалила, великого царя Хета, могущественного, на серебряной скрижали Рамессу Миамуну, великому князю Египта, могущественному, сыну Менептаху Сети, великого князя Египта, могущественному, сыну Рамессу I., великого царя Египта, могущественного, - это был хороший договор о дружбе и согласии, который обеспечил мир [и установил согласие] на более долгий срок, чем это было раньше, с давних пор. Ибо это было соглашение великого князя Египта с великим царем Хета о том, что бог не допустит вражды между ними на основании договора.

Во времена Маутала, великого царя Кхеты, моего брата, он воевал с [Менептахом Сети], великим князем Египта.

Но ныне, с этого самого дня, Хета-сира, великий царь Хеты, будет смотреть на этот договор, чтобы сохранилось соглашение, которое заключил бог Ра, которое заключил бог Сутех, для народа Египта и для народа Хеты, чтобы не было больше вражды между ними во веки веков.

А вот его содержание:...

"Хета-сира, великий царь Хеты, заключает с Рамессу Миамуном, великим принцем Египта, договор с этого дня, чтобы между ними вовеки существовала добрая дружба и хорошее взаимопонимание.

Он будет моим союзником, он будет моим другом: Я буду его союзником; я буду его другом: навеки.

'Так, во времена Маутала, великого царя Кхеты, его брат, Кхета-сира, после его убийства, посадил себя на трон своего отца как великого царя Кхеты. Я стремился к дружбе с Рамессу

Миамуном, великим принцем Египта, и это [мое желание], чтобы дружба и согласие были лучше, чем та дружба и согласие, которые существовали прежде и которые были нарушены.

'Я заявляю: Я, великий царь Хета, буду держаться вместе с [Рамессу Миамуном], великим принцем Египта, в доброй дружбе и в добром согласии. Сыновья сыновей великого царя Хеты будут держаться вместе и дружить с сыновьями сыновей Рамессу Миамуна, великого князя Египта.

В силу нашего договора о согласии и в силу нашего соглашения [о дружбе, пусть народ] Египта [соединится в дружбе] с народом Хеты. Пусть подобная дружба и подобное согласие существуют таким образом вечно.

Пусть никогда не возникает между ними вражды. Пусть великий царь Хета никогда не вторгается в землю Египта, если что-либо из нее будет разграблено. Пусть Рамессу Миамун, великий князь Египта, никогда не переступает границы земли [Хета, если из нее будет что-либо нагреблено].

Справедливый договор, существовавший во времена Сапалила, великого царя Хеты, а также справедливый договор, существовавший во времена Маутала, великого царя Хеты, брата моего, я буду соблюдать.

Рамессу Миамун, великий принц Египта, заявляет, что он сохранит его. [Мы пришли к соглашению об этом] друг с другом в одно и то же время с этого дня, и мы будем исполнять его, и будем поступать праведно.

Если кто придет врагом в земли Рамессу Миамуна, великого князя Египта, то пусть отправит посольство к великому царю Хеты с такими словами: "Приди! и сделай меня сильнее его". Тогда великий царь Хеты [соберет своих воинов], и царь Хеты [придет] поразить своих врагов. Если же великий царь Хеты не пожелает выступить в поход лично, то пусть пошлет своих воинов и свои колесницы, чтобы они поразили его врагов. В противном случае [он навлечет на себя] гнев Рамессу Миамуна, [великого князя Египта]. И если Рамессу Миамун, великий князь Египта, изгонит] за преступление подданных из своей страны, а они совершат другое преступление против него, то он (царь Хеты) явится, чтобы убить их. Великий царь Хеты должен действовать совместно с [великим принцем Египта].

Если кто-либо придет как враг в земли великого царя Хеты, то пусть отправит посольство к великому князю Египта с просьбой, чтобы он пришел в великой силе убить его врагов; и если Рамессу Миамун, великий князь Египта, намерен прийти (сам), то он [поразит врагов великого царя Хеты. Если же великий князь Египта не намерен лично выступить в поход, то он пошлет своих воинов и свои двуконные колесницы, а сам отправит ответ народу Хеты.

Если какие-либо подданные великого царя Хеты оскорбили его, то Рамессу Миамун, [великий князь Египта, не должен принимать их в своей земле, а должен идти, чтобы убить их]... клятву, с желанием сказать: Я буду идти... до тех пор, пока... Рамессу Миамуну, великому князю Египта, живущему вечно... чтобы он был отдан за них (?) господину, и чтобы Рамессу Миамун, великий князь Египта, мог говорить по своему договору всегда.....

'[Если слуги убегут] с территории Рамессу Миамуна, великого князя Египта, чтобы предаться великому царю Хеты, то великий царь Хеты не примет их, но великий царь Хеты отдаст их Рамессу Миамуну, великому князю Египта, [чтобы они получили свое наказание.

Если слуги Рамессу Миамуна, великого князя Египта, покинут свою страну] и придут в землю Хета, чтобы сделаться слугами другого, то они не останутся в земле Хета; [они будут отданы] Рамессу Миамуну, великому князю Египта.

Если же убегут [слуги великого царя Хеты, чтобы предаться] Рамессу Миамуну, великому князю Египта, [чтобы остаться в Египте], то те, которые пришли из земли Хеты, чтобы предаться Рамессу Миамуну, великому князю Египта, не будут [приняты] Рамессу Миамуном, великим князем Египта, [но] великий князь Египта, Рамессу Миамун, [предаст их великому царю Кхеты].

Если же выйдут из земли Кхета люди] искусные, так что придут в землю Египетскую, чтобы сделаться рабами другого, то Рамессу Миамун не позволит им поселиться, он предаст их великому царю Кхета.

Когда этот [договор] будет известен [жителям земли Египетской и земли Хета, то они не преступят его, ибо все, что написано на] серебряной скрижали, это слова, которые будут одобрены обществом богов среди мужских богов и среди женских богов, среди тех, кто именно из земли Египетской. Они являются для меня свидетелями [действительности] этих слов, [которые они разрешили].

Вот каталог богов земли Кхета: -

- (1) Сутех из города] Тунеп ,[\[2\]](#)
- (2) Сутех из земли Кхета,
- (3) 'Сутех города Арнема,
- (4) 'Сутех из города Заранда,
- (5) Сутех из города Пилка,
- (6) Сутех из города Хисасап,
- (7) Сутех из города Сарсу,
- (8) Сутех из города Хилип (Алеппо),
- (9) Сутех из города ...,
- (10) "Сутех из города Сарпина",
- (11) 'Астарт[\[3\]](#) из земли Кхета,
- (12) "Бог земли Зайат-Хирри",
- (13) "Бог земли Ка...",
- (14) "Бог земли Кхера...",
- (15) 'Богиня города Ах...',
- (16) '[Богиня города ...] и земли А...уа,
- (17) 'Богиня земли Зайны',
- (18) "Бог земли ...нат...эр".

Я призвал этих мужских и этих] женских [богов земли Кхета, это боги] земли, [как свидетелей] моей клятвы. [С ними были связаны мужские и женские боги] гор и рек земли Кхета, боги земли Казауадана, Амон, Ра, Сутех, мужские и женские боги земли Египта, земли, моря, ветров и бурь.

Что касается заповеди, которую содержит серебряная скрижаль для народа Кхета и для народа Египта, то тот, кто не будет соблюдать ее, будет отдан [на откуп] обществу богов Кхета и будет отдан [на откуп] богам Египта, [он] и дом его и рабы его.

А кто будет соблюдать эти заповеди, которые содержит серебряная скрижаль, будь он из народа Хета или [из народа Египта], потому что он не пренебрег ими, то общество богов земли Хета и общество богов земли Египетской обеспечат ему награду и сохранят жизнь [ему] и рабам его и тем, кто с ним и кто с рабами его.

Если же убежит из жителей [один из земли Египетской], или двое, или трое, и они придут к великому царю Хета [великий царь Хета не] позволит им [остаться, но он] предаст их и отправит их обратно к Рамессу Миамуну, великому князю Египта.

Что же касается [жителя земли Египетской], который отдан Рамессу Миамуну, великому князю Египта, то вина его не будет отнята ему, дом его не будет отнят, ни жена его, ни дети его. Не будет [предана смерти его мать, не будет наказания ни в глазах его, ни на устах его, ни на подошвах ног его], чтобы таким образом не было выдвинуто против него никакого преступления.

Точно так же должно быть сделано, если жители земли Хета обратятся в бегство, один ли, или двое, или трое, чтобы предаться Рамессу Миамуну, великому князю Египта. Рамессу Миамуну, великий князь Египта, велит схватить их, и они будут преданы великому царю Хеты.

'[В отношении] того, кто [будет предан, его преступление не будет выдвинуто против него]. Дом его не будет отнят, ни жены его, ни дети его, ни народ его; мать его не будет предана смерти; не будет наказания ни в глазах его, ни на устах его, ни на подошвах ног его, и не будет выдвинуто против него никакого обвинения.

"То, что находится в середине этой серебряной скрижали и на ее лицевой стороне, есть изображение бога Сутеха..., окруженное надписью следующего содержания: "Это [изображение] бога Сутеха, царя неба и [земли]". Во время (?) договора, который заключил Хета-сира, великий царь Хета....'

Этот договор о наступательном и оборонительном союзе более убедительно, чем любое описание, доказывает положение, которого достигла Хеттская империя. Она стояла в одном ряду с Египтом Рамзеса, последнего великого фараона, когда-либо правившего на земле Нила. Вместе с Египтом она оспаривала суверенитет Западной Азии и вынудила египетского монарха согласиться на мир. Теперь Египет и хетты были двумя ведущими державами мира.

Договор был закреплен визитом хеттского принца Хета-сира в Египет в национальной одежде и браком его дочери с Рамсесом на тридцать четвертом году правления фараона (1354 г. до н. э.). Она получила египетское имя Ур-маа Ноферу-Ра, а ее красота была отмечена придворными писцами. Сирия была передана хеттам как их законное владение; Египет больше никогда не пытался вырвать ее у них, и если хеттское иго должно было быть сброшено, то только благодаря усилиям самих сирийцев. Однако некоторое время "великий царь хеттов" сохранял свою власть в неприкосновенности; его господство признавалось от Евфрата на востоке до Эгейского моря на западе, от Каппадокии на севере до племен Ханаана на юге. Даже Нахарина, некогда противница египетских фараонов, признала его суверенитет, а Петор, родина Валаама, расположенный у слияния Евфрата и Саджура, стал хеттским городом. Филистимские города, правда, все еще посылали дань египетскому правителю, но на севере хеттская власть, похоже, была всецельной. Горные аморреи вступили в союз с "сынами Хета", а ханаанеи в низинах искали у них защиты. Израильяне еще не вклинились между двумя великими державами восточного мира: хеттский государь все еще мог посетить Египет, а египетский путешественник - исследовать города Ханаана.

После шестидесяти шести лет тщеславного великолепия долгое правление Рамсеса II подошло к концу (1322 г. до н. э.). Израильтяне трудились для него, возводя Питом и Раамсес, а когда на престол вступил его сын и преемник Менептах, они потребовали разрешения покинуть Египет. История Исхода слишком хорошо известна, чтобы пересказывать ее здесь; она знаменует собой завершение периода завоеваний и процветания, которым Египет наслаждался при царях восемнадцатой и девятнадцатой династий. В начале своего правления Менептах отправил по морю кукурузу хеттам в то время, когда в Сирии был голод, показывая, что мирные отношения, установленные во время правления его отца, все еще в силе. Существуют также депеши, датированные третьим годом его правления, в которых говорится о письмах и гонцах между Египтом и Финикией, и ясно говорится о том, что Газа все еще была гарнизонована египетскими войсками. Но на пятом году его правления в Египет вторглась конфедерация белокожих племен из Ливии и с берегов Малой Азии, которые захватили Дельту и поставили под угрозу само существование египетской монархии. Египет, однако, был спасен в результате битвы, в которой вторгшееся войско было почти уничтожено, но не раньше, чем оно само наполовину истощило свои ресурсы и соответственно ослабло.

Через несколько лет после этого династия Рамзеса Угнетателя сошла в могилу в кровопролитии и катастрофе. Началась гражданская война, затем последовало иностранное вторжение, и корона была захвачена "Арису Финикийским". Но вновь наступили счастливые времена. Египтяне вновь подчинились местному принцу, и была основана Девятнадцатая династия. Ее одним великим царем был Рамсес III, который спас свою страну от двух нашествий, более грозных, чем то, которое отбил Менептах. Как и в случае с последним, в них участвовали ливийцы и народы греческих морей, и захватчики были разбиты частично на суше, частично на воде. В морскую конфедерацию входили теукрийцы из Троады, ликийцы и филистимляне, а также, возможно, уроженцы Сардинии и Сицилии. В первую очередь они ополчились на побережье Финикии и распространились вглубь страны до Кархемиша. Нагруженные добычей, они разбили свой лагерь "в земле Амореетов", а затем обрушились на Египет. Хетты из Кархемиша и народ Матенау из Нахарина пришли в их сопровождении, и на берегу моря между Рафией и Пелусием произошла долгая и страшная битва. Египтяне одержали победу; корабли противника были потоплены, а его воины убиты или взяты в плен. Египет снова наполнился пленниками, и пламя его былой славы вновь на мгновение замерцало, прежде чем окончательно погаснуть.

Список пленных показывает, что хеттские племена принимали участие в борьбе: Кархемиш, Алеппо и Петор были особо отмечены как отправившие свои контингенты на войну. Вероятно, они шли по суше, в то время как их союзники из Малой Азии и островов Средиземноморья атаковали египетское побережье на кораблях. Насколько мы можем судить, хеттское население больше не признавало сюзеренитет императорского государя, а было разделено на независимые государства. Похоже, что они также потеряли свою власть над Мисией и дальним западом. Говорят, что Цекри и Леку, Шардаина и Шакалша напали на их города, прежде чем продолжить свой поход на юг. Если мы можем доверять этому утверждению, то должны сделать вывод, что империя хеттов уже распалась. Завоеванные ею племена Малой Азии восстали и перенесли войну в дома своих бывших хозяев. Как бы то ни было, несомненно, что с этого времени власть хеттов в Сирии начала ослабевать. Постепенно арамейское население оттеснило их в их северные крепости, и на протяжении всего периода правления израильских судей мы никогда не слышим даже их имени. Хеттские вожди больше не продвигаются к югу от Кадеша; и хотя однажды Израиль был угнетен царем, пришедшим с севера, он был царем Арама-Нахараима, Нахарина из египетских текстов, а не хеттским князем.

Там, где нас покидают египетские памятники, нам на помощь приходят ассирийские. Самые ранние упоминания о хеттах, найденные в клинописных текстах, содержатся в большом труде по астрономии и астрологии, первоначально составленном для одного из первых царей Вавилонии. Однако упоминания о "царе хеттов", которые встречаются в нем, не могут быть отнесены к более отдаленной дате. Одной из главных целей, которую преследовал автор (или авторы) этого произведения, было предсказание будущего: предполагалось, что конкретное событие, последовавшее за определенным небесным явлением, повторится, когда это явление произойдет снова. Поэтому в моду вошло время от времени вводить в произведение свежие заметки о событиях; и некоторые из этих глосс, как мы можем их назвать, вероятно, не старше седьмого века до н. э. Поэтому невозможно определить точную дату, к которой относятся ссылки на хеттского царя, но есть признаки того, что она сравнительно поздняя. Первый четкий рассказ о хеттах, который дают нам ассирийские надписи и к которому мы можем приложить дату, встречается в анналах Тиглат-Пилесера I.

Тиглат-Пилесер I был самым известным монархом первой Ассирийской империи, он правил около 1110 года до н. э. Он продвигал свои войска на север и на запад, проник в мрачные и бесслезные горы Армении и проложил себе путь до Малатии в Каппадокии. Его летописи дают нам очень полную и интересную картину географии этих регионов во времена его правления. Куммух или Комаген, который в ту эпоху простирался на юг от Малатии в направлении Кархемиша, был одним из первых объектов его нападения. В начале моего царствования, - говорит он, - 20 000 мосхов (или мешехов) и пять их царей, которые в течение пятидесяти лет владели странами Алзи и Пурукуззи, которые прежде платили дань и налоги Ассуру, моему господину - ни один царь (до меня) не противостоял им в битве, доверились своей силе, спустились и захватили землю Куммух". Однако ассирийский царь выступил против них и победил их в битве с большим количеством жертв, а затем огнем и мечом прошелся по городам Куммуха. Его правитель Кили-антеру, сын Кали-антеру, был взят в плен вместе со своими женами и семьей; затем Тиглат-Пилесер приступил к осаде крепости Уррахинас. Его принц Сади-антеру, сын Хаттухи, "хетта", бросился в ноги завоевателю; его жизнь была пощажена, и "обширная земля Куммух" стала данницей Ассирии, главными предметами которой были бронзовые изделия. Примерно в то же время 4000 воинов, принадлежавших к каскам или колхам, и жители Урума, которые описываются как "воины хеттов" и занимали северные города Месопотамии, добровольно подчинились ассирийскому монарху и были перевезены в Ассирию вместе со своими колесницами и имуществом. Урума - это Урима классической географии, которая лежала на Евфрате немного севернее Биреджика, так что мы знаем точную местность, к которой принадлежали эти "хеттские солдаты". На самом деле, "хетты", должно быть, были общим названием жителей всего этого района; современный Мераш, например, лежит в пределах древнего Куммуха; и, как мы увидим, именно из Мераша пришла длинная хеттская надпись.

Тиглат-Пилесер напал на Куммух во второй раз, и на этот раз проник еще дальше в горные массивы страны хеттов. В третьем походе его войска подошли к самому Малатье, но царь довольствовался тем, что взимал с города небольшую ежегодную дань, "сжалившись над ним, ", как он рассказывает, хотя более вероятно, что правда заключалась в том, что он оказался не в состоянии взять его штурмом. Но ему так и не удалось пробиться через броды Евфрата, которыми командовала великая крепость Кархемиш. Один раз он преследовал землю Митанни или Нахарина, убивая и разоряя "в один день" от Кархемиша на юг до места, где находились пустыни кочевников Сухи, шухитов из Книги Иова. Именно по этому случаю он убил десять слонов в окрестностях Харрана и на берегах Хабуре, а также четырех диких быков, на которых он охотился со стрелами и копьями "в земле Митанни и в городе Аразики^[4], который лежит напротив земли хеттов".

Таким образом, к концу двенадцатого века до нашей эры хетты были еще достаточно сильны, чтобы держать в узде одного из самых могущественных ассирийских царей. Правда, они больше не подчинялись единому главе; правда и то, что та их часть, которая обосновалась в земле Куммух, была захвачена ассирийскими войсками и вынуждена была платить дань ассирийскому захватчику. Но Кархемиш вызывал уважение Тиглата-Пилесера; он так и не решился подойти к его стенам или переправиться через реку, которую он должен был защищать. Его путь был закрыт на запад, и ему так и не удалось пройти по главной дороге, которая вела в Финикию и Палестину.

После смерти Тиглата-Пилесера I ассирийские надписи не сохранились. Его преемники позволили империи прийти в упадок, и прошло более двухсот лет, прежде чем занавес снова поднялся. За эти двести лет произошло возвышение и падение царства Давида и Соломона, а также рост новой державы - сирийцев из Дамаска.

Дамаск возвысился на руинах империи Соломона. Но его возвышение также ясно показывает, что власть хеттов в Сирии начала ослабевать. Хадад-Эзер, царь Зобаха, противник Давида, смог послать за помощью к арамеям из Нахарины на восточном берегу Евфрата (2 Цар. х. 16), и вместе с ними он отправился в Хелам, в котором можно увидеть название Алеппо[5]. Очевидно, что хетты больше не могли держать в подчинении арамеев или помешать арамейскому князю из Зобы изгнать их с территории, которую они когда-то сделали своей. Действительно, возможно, в одном из отрывков Ветхого Завета есть намек на нападение, которое готовил против них Хадад-Эзер. Когда говорится, что он был низвергнут Давидом, "когда собирался направить руку свою к реке Евфрат" (2 Цар. viii. 3), возможно, его войска собирались направить именно против хеттов из Кархемиша. Во всяком случае, поддержку этому мнению можно найти в дальнейшем изложении священного историка. Когда Той, царь Хамафский, услышал, что Давид поразил все войско Хадад-езера, то Той послал Иорама, сына своего, к царю Давиду приветствовать его и благословить его, потому что он сразился с Хадад-езером и поразил его; ибо Хадад-езер воевал с Тоем" (2 Цар. viii. 9, 10). Из памятников, обнаруженных на этом месте, мы знаем, что Хамат когда-то был хеттским городом, и нет причин не верить, что он все еще находился во владении хеттов в эпоху Давида. В таком случае его сирийские враги были бы теми же, что и враги Давида, и общая опасность объединила бы его с Израилем в союз, который закончился бы только его свержением ассирийцами.

Ассирийские надписи сообщают нам, что еще во времена Уззии иудейский царь был в союзе с Хаматом, а последним независимым правителем Хамата был Яху-бихди - имя, в котором мы узнаем Бога Израиля. В самом деле, тот факт, что сирийцы вообразили, будто "цари хеттов" пришли на помощь Самарии, осажденной войсками Дамаска, свидетельствует о том, что Израиль и хетты считались естественными друзьями, естественными противниками которых были сирийские арамеи. Как могущество и рост Израиля были основаны на завоевании и покорении семитского населения Палестины, так и могущество хеттов было достигнуто за счет их семитских соседей. Триумф Сирии стал ударом как для хеттов Кархемиша, так и для евреев Самарии и Иерусалима.

С Асур-нацир-пала, чье правление длилось с 885 по 860 год до н. э., современная ассирийская история начинается заново. Его походы и завоевания соперничали с походами и завоеваниями Тиглата-Пилесира I, а по масштабам и жестокости даже превосходили их. Как и его предшественник, он взимал дань с Куммуха, а также с царей страны, в которой находилась Малатия; но с большей удачей, чем Тиглат-Пилесер, ему удалось перейти Евфрат и обязать Сангару из Кархемиша платить ему дань. Очевидно, что Кархемиш уже не был так силен, как два века назад, и что сила его защитников постепенно исчезала. Однако на

восточном берегу Евфрата все еще оставалось небольшое хеттское население; во всяком случае, Ассур-нацир-пал описывает племя бахиан на этой стороне реки как хеттское, и только после получения от них дани он переправился на лодках через реку и приблизился к земле Гаргамиса или Кархемиша. Но его угрожающее нападение на хеттскую крепость было откуплено богатыми и многочисленными подарками. Двадцать талантов серебра - любимого металла хеттских князей - золотые кубки, золотые цепи, золотые клинки, 100 талантов меди, 250 талантов железа, медные боги в виде диких быков, медные чаши, медные кубки для возлияний, медный перстень, многочисленная мебель царского дворца, подобной которой никогда не получали, кушетки и троны из редких пород дерева и слоновой кости, 200 рабынь, одежды из пестрой ткани и льна, массы черного и голубого хрусталя, драгоценные камни, бивни слонов, белая колесница, маленькие золотые изображения", а также обычные колесницы и боевые кони - таковы были сокровища, высланные на колени ассирийского монарха богатым, но невоинственным царем Кархемиша. Они дают нам представление о богатстве, которого достиг город благодаря своему выгодному положению на торговом пути, пролежавшем с востока на запад. Непрерывное процветание в течение нескольких столетий наполняло его купцами и богачами; в более поздние времена мы находим в ассирийских надписях слова о "мане Кархемиша" как об одном из признанных стандартов стоимости. Кархемиш превратился в город купцов и уже не чувствовал себя способным противостоять оружию обученным воинам ассирийского царя.

Оставив Кархемиш, Ассур-нацир-пал продолжил свой поход на запад и, миновав слева землю Акхану, обрушился на город Аزاز близ Алеппо, принадлежавший царю патинов. Этот народ был хеттского происхождения и занимал территорию между рекой Африн и берегами Антиохийского залива. Ассирийские войска переправились через Африн и появились перед стенами патинианской столицы. Однако крупные взятки заставили их повернуть на юг и продвигаться вдоль Оронта в направлении Ливана. Здесь Ассур-нацир-пал получил дань от финикийских городов.

Шалманесер II, сын и преемник Ассур-нацир-пала, продолжил воинственную политику своего отца (860-825 гг. до н. э.). Особым объектом нападения вновь стали хеттские князья. Год за годом Шалманесер вел свои армии против них, и год за годом возвращался домой с добычей. Цель его политики нетрудно понять. Он стремился сломить власть хеттов в Сирии, завладеть бродами через Евфрат и дорогой, по которой товары из Финикии доставлялись торговцам Ниневии, и в конечном итоге перенаправить торговлю Средиземноморья в свою страну. После свержения патинян он стал хозяином кедровых лесов Амана, и его дворцы были возведены из их древесины. Сангара из Кархемиша, правда, понял его опасность, и была создана лига хеттских князей для противостояния общему врагу. Контингент прибыл не только из Куммуха и от патинян, но и из Киликии и горных хребтов Малой Азии. Однако это было бесполезно. Хеттские войска были вытеснены с поля боя, а их вожди были вынуждены купить мир выплатой дани. Еще раз Кархемиш отказался от золота и серебра, бронзы и меди, пурпурных одеяний и диковинных тронов, а дочь самого Сангара была унесена в гарем ассирийского царя. Фетор, город Валаама, был превращен в ассирийскую колонию, и само его название было изменено на ассирийское. Путь в Хамат и Финикию наконец-то был открыт для ассирийского войска. В Алеппо Шалманесер принес жертвы родному богу Хададу, а затем обрушился на города Хамата. В Каркаре его встретила великая конфедерация, образованная царями Хамата и Дамаска, к которой Ахав израильский предоставил 2000 колесниц и 10 000 человек. Но ничто не могло противостоять натиску ассирийских ветеранов. Враги были рассеяны как мякина, а река Оронт окрасилась их кровью. Битва при

Каркаре (в 854 году до н. э.) привела ассирийцев в соприкосновение с Дамаском и заставила Иеху впоследствии послать дань ассирийскому царю.

Дальнейшая история Шалманесера мало нас интересует. Власть хеттов к югу от Тавра была навсегда сломлена. Семиты отомстили за завоевание своей страны северными горцами за много веков до этого. Они больше не образовывали барьер, отрезавший восток от запада и не позволявший семитам Ассирии и Вавилона встретиться с семитами Финикии и Палестины. Взаимодействие, прерванное в эпоху девятнадцатой династии Египта, теперь могло быть возобновлено. Кархемиш перестал командовать бродами Евфрата и был вынужден признать главенство ассирийского захватчика. По сути, сирийские хетты стали не более чем данниками ассирийского монарха. Когда среди патинян вспыхнуло восстание, в результате которого законный царь был убит, а его трон захватил узурпатор, Шалманесер заявил о своем праве на вмешательство и воспользовался им. Он назначил нового государя и установил его изображение в столице патинского народа.

Перемены, произошедшие в отношениях между ассирийцами и хеттами, отмечены любопытным фактом. Начиная со времен Шалманесера, название "хетты" больше не используется ассирийскими писателями в правильном смысле. Оно расширяется, охватывая всех жителей Северной Сирии по западную сторону Евфрата, а впоследствии включает в себя и жителей Палестины. Хатта или "хеттский" стало синонимом сирийского. Как это произошло, объяснить несложно. Первое население Сирии, с которым ассирийцы вступили в контакт, было хеттского происхождения. Когда их власть была сломлена, и ассирийские армии преодолели барьер, который они так долго создавали для захватчика, естественно было предположить, что государства, через которые прошли ассирийские генералы, также принадлежат им. Более того, многие из этих государств фактически зависели от хеттских князей, хотя и были населены арамеями. Хетты наложили свое иго на чужеземную расу арамеев, и, соответственно, в Северной Сирии хеттские и арамеи смешались с городами и племенами. Я взял, - говорит Шалманесер, - то, что люди из земли хеттов называли городом Петор (*Питру*), который находится на реке Саджур (*Сагура*), на дальней стороне Евфрата, и город Мудкину, на восточной стороне Евфрата, который Тиглат-Пилесер (I.), царский прародитель, который шел до меня, присоединил к моей стране, а Ассур-раб-бури, царь Ассирии, и царь арамеев отняли (у него) по договору". Позднее Шалманесер совершил поход из Петора в Алеппо и там принес жертвы "богу города" Хадад-Риммону, имя которого выдает семитский характер его населения. Короче говоря, хетты никогда не были в Сирии чем-то большим, чем завоевательная верхушка, подобно норманнам на Сицилии; и с течением времени подвластное население все больше и больше насаждало на них. Как и все подобные аристократии, они, как правило, вымирали или поглощались коренным населением страны.

Однако они по-прежнему владели Кархемишем, и упадок первой Ассирийской империи дал им неожиданную передышку. Но революция, возведшая Тиглата-Пилесира III на трон Ассирии в 725 году до н. э., принесла окончательный конец хеттскому господству. Ассирия начала новую завоевательную карьеру и при новых правителях создала империю, которая простиралась на всю Западную Азию. В 717 году до н. э. Кархемиш окончательно пал перед войсками Саргона, а его последний царь Писирис оказался в плену у ассирийского царя. Торговля и богатство города перешли в руки ассирийцев, он был колонизирован ассирийцами и поставлен под власть ассирийского сатрапа. Великая хеттская крепость на Евфрате, которая столько веков была видимым знаком их могущества и южных завоеваний, снова стала владением семитского народа. Длительная борьба, которая велась между

хеттами и семитами, подошла к концу; семиты одержали победу, а хетты были отброшены в горы, откуда пришли.

Но он не сдался без борьбы. На следующий год после взятия Кархемиша Саргону противостояла большая лига северных народов - Мешеа, Тубала, Мелитены и других - под предводительством царя Арарата. Лига, однако, была разбита в решающей битве, царь Арарата покончил с собой, и менее чем через три года Комаген был присоединен к Ассирийской империи. Семит из Ниневии стал верховным правителем восточного мира.

Арарат - так ассирийцы называли район в непосредственной близости от озера Ван, а также страну к югу от него. Только в послебиблейские времена это название было распространено на север, так что современная гора Арарат получила название, которое первоначально принадлежало курдскому хребту на юге. Но Арарат не был исконным названием страны. Это было Биайнас или Бианас, название, которое до сих пор сохранилось в названии озера Ван. По стране разбросаны многочисленные надписи, написанные клинописью, заимствованной из Ниневии во времена Ассур-нацир-пала или его сына Шалманесера, но на языке, который не имеет никакого сходства с ассирийским. В них рассказывается о строительстве храмов и дворцов, о жертвоприношениях богам и походах ваннских царей. Среди последних упоминаются походы против кхатов или хеттов.

Первый из этих походов был осуществлен царем по имени Менуас, который правил в девятом веке до нашей эры. Он захватил землю Алзи, а затем оказался в стране хеттов. Здесь он разграбил города Сурисилис и Тархи-гамас, принадлежавшие хеттскому князю Сада-халису, и захватил несколько воинов, которых посвятил в слуги своему богу Халдису. В другой раз он дошел до города Малатийе и, пройдя через страну хеттов, сделал надпись в память о своих завоеваниях на скалах Палу. Палу расположен на северном берегу Евфрата, примерно посередине между Малатийей и Ваном, и поскольку он находится к востоку от древнего района Алзи, мы можем составить некоторое представление о точном географическом положении, к которому следует отнести хеттов Менуаса. Его сын и преемник, Аргистис I, снова начал войну с ними, и из одной из его надписей мы узнаем, что город Малатийе был включен в число их крепостей. Земля хеттов, согласно заявлениям ваннских царей, простиралась вдоль берегов Евфрата от Палу на востоке до Малатийе на западе.

Хетты из ассирийских памятников жили к юго-западу от этого региона, распространяясь через Комаген до Кархемиша и Алеппо. Египетские записи относят их еще дальше на юг, к Кадешу на Оронте, а Ветхий Завет переносит это название на крайний юг Палестины. Поэтому очевидно, что в хеттских племенах мы должны видеть фрагменты расы, чье первоначальное место обитания находилось в хребтах Тавра, но которая проложила себе путь в теплые равнины и долины Сирии и Палестины. Изначально они принадлежали к Малой Азии, а не к Сирии, и только завоевание дало им право на название сирийцев. Хетты" - вот их истинное название, и независимо от того, жили ли племена, к которым они принадлежали, в Иудее или на Оронте, в Кархемише или в окрестностях Палу, именно под этим названием они были известны. Мы должны рассматривать его как национальное имя, которое сохранялось за ними во всех их завоеваниях и миграциях и выделяло их как особый народ, отличный от других рас восточного мира. Настало время посмотреть, что говорят нам о них их собственные памятники и какое влияние они оказали на историю человечества.

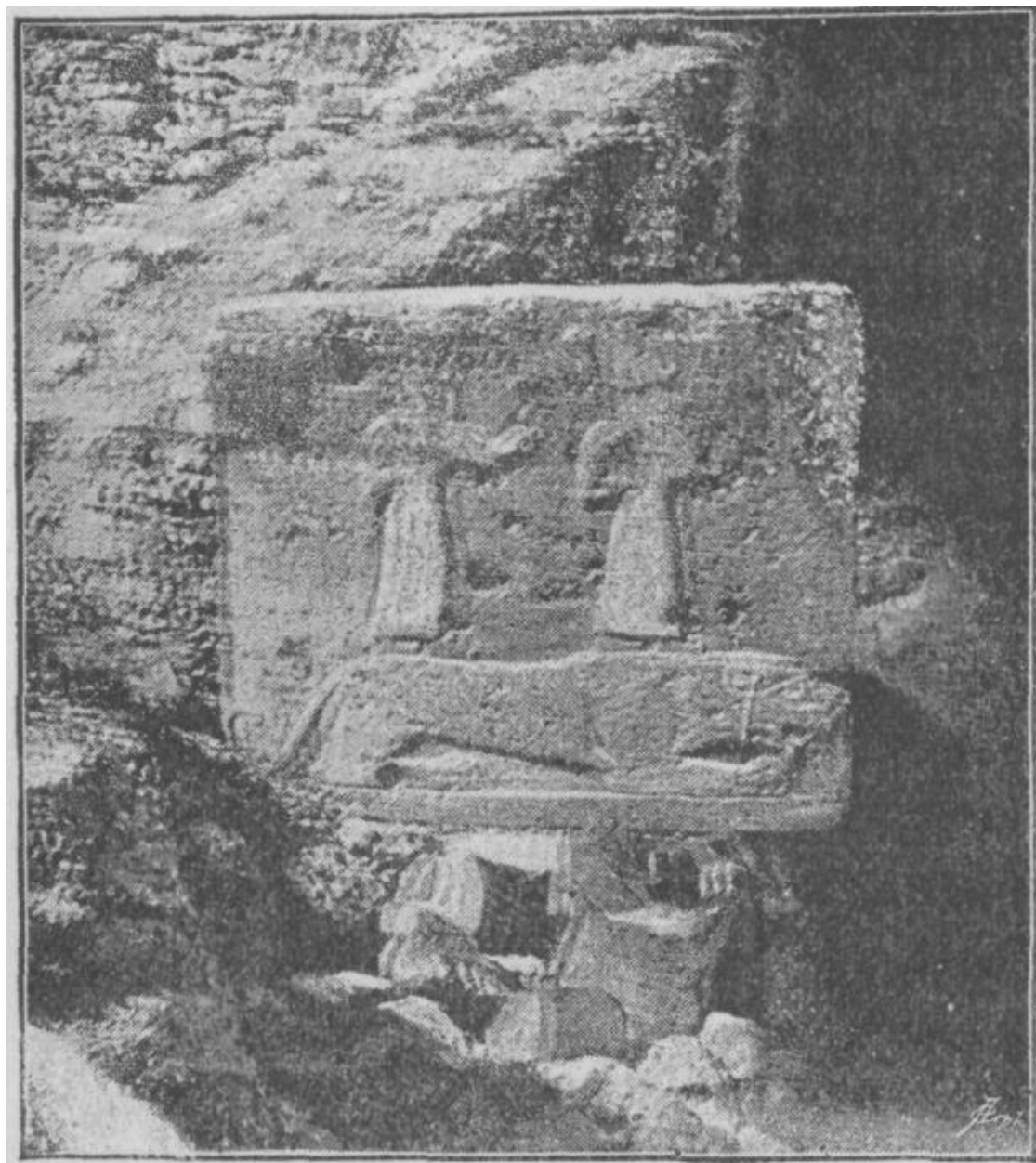
[1] Этот перевод дан Бругшем во втором издании английского перевода его *"Истории Египта"*.

[2] Сейчас Тенниб в Северной Сирии.

[3] Также читается как Антарата.

[4] Называется Эрагиза в классической географии и в Талмуде.

[5] В ассирийских текстах называется Халман. Иосиф переделал Хелам в имя собственное Халаман.

НАЙДЕННАЯ В МЕРАШЕ.

ПЛИТА,

ГЛАВА III.

ХЕТТСКИЕ ПАМЯТНИКИ.

Было теплое и солнечное сентябрьское утро, когда я покинул маленький городок Нимфи близ Смирны в сопровождении сильного эскорта турецких солдат и направился к Карабельскому

перевалу. Карабельский перевал - это узкое ущелье, закрытое с обеих сторон высокими скалами, через которое проходила древняя дорога из Эфеса на юге в Сарды и Смирну на севере. Греческий историк Геродотос рассказывает, что египетский завоеватель Сесострис оставил в этом месте памятники о себе. Два изображения, высеченные им в скале, можно было увидеть у дорог, которые вели "из Эфеса в Фокею и из Сард в Смирну". По обе стороны высечен человек, чуть более трех футов ростом, который держит копье в правой руке и лук в левой. Остальное его снаряжение аналогично, ибо оно египетское и эфиопское, а от одного плеча до другого, прямо через грудь, вырезаны египетские иероглифы, которые гласят: "Я завоевал эту землю своими плечами".

Эти два изображения и стали целью моего путешествия. Одно из них было обнаружено Ренуаром в 1839 году и вскоре после этого зарисовано Тексье; другое было найдено доктором Беддоу в 1856 году. Но посетители перевала, на котором они были выгравированы, были немногочисленны; скалы по обе стороны были излюбленным пристанищем разбойников, и тридцать солдат не считались слишком большим числом, чтобы обеспечить мою безопасность. Мне пришлось вести разведку под прикрытием их орудий, так как более двадцати бандитов скрывались под кустарником.

Скульптура, нарисованная Тексье, была впоследствии сфотографирована господином Свободой. Она изображает воина ростом более чем в натуральную величину, который стоит в профиль, поставив правую ногу перед собой, в позе марширующего. В правой руке он держит копье, за левым плечом перекинут лук, а голову венчает шапка с высоким козырьком. Он одет в тунику, доходящую до колен, а его ноги обуты в сапоги с загнутыми концами. Вся фигура вырезана в глубоком рельефе в искусственной нише, а между копьем и лицом - три строки иероглифов. Фигура обращена на юг и высечена на лицевой стороне восточной скалы Карабель.

Давно было признано, что иероглифы не египетские, и профессор Перро также обратил внимание на поразительное сходство между стилем искусства, представленным этой скульптурой, и стилем, представленным некоторыми наскальными скульптурами в Каппадокии, а также скульптурным изображением воина, обнаруженным им самим в месте под названием Гиаур-калесси, "замок неверных", во Фригии, которое практически идентично по форме и характеру скульптурному воину из Карабеля.

Каково было происхождение этого искусства или кто были люди, которых оно символизировало, оставалось неясным. Однако за несколько недель до моего визита на Карабельский перевал я объявил на сайте[6], что пришел к выводу о хеттском происхождении этого искусства и что иероглифы, сопровождающие фигуру на Карабеле, при тщательном изучении также окажутся хеттскими. Главной целью моего визита на перевал было подтверждение этого вывода.

Теперь давайте посмотрим, как я к нему пришел. История эта длинная, и чтобы понять ее, необходимо перенестись с перевала Карабель в западной части Малой Азии в Хаму, место древнего Хамата, на дальнем востоке. Именно здесь было сделано первое открытие, которое постепенно привело к восстановлению Хеттской империи и признанию той важной роли, которую когда-то сыграли хетты в истории цивилизованного мира.

Еще в начале нынешнего века (в 1812 году) великий восточный путешественник Буркхардт заметил на одном из базаров Хамы[7] глыбу черного базальта, покрытую странными иероглифами, встроенную в угол дома. Но об этом открытии забыли, и европейские жители Хамы, как и путешественники, посетившие город, были убеждены, что "никаких древностей" там не найти. Однако почти шестьдесят лет спустя, когда Американское общество по

исследованию Палестины только начинало свою работу, американский консул мистер Джонсон и американский миссионер мистер Джессап случайно снова наткнулись на этот камень, а затем узнали, что в других местах Хамы есть еще три камня подобного характера и с подобными иероглифами. Считалось, что один из них, очень большой длины, наделен целебными свойствами. Больные ревматизмом, как магометане, так и христиане, имели привычку прикладываться к нему, твердо веря, что их боли впитаются в камень. К другим камням с надписями также относились с почтением, которое, естественно, возросло, когда стало известно, что их ищут франки; двум американцам не удалось увидеть их все, а тем более снять копии с надписей. Им пришлось довольствоваться жалкими попытками воспроизвести их, сделанными местным художником, одна из которых впоследствии была опубликована в Америке. Эта публикация пробудила интерес ученых к вновь открытым надписям, и сэр Ричард Бертон и другие предпринимали попытки получить правильные слепки с них. Однако все было тщетно, и, вероятно, фанатизм или жадность жителей Хамы успешно противостояли бы всем попыткам получить достоверные копии текстов, если бы счастливый случай не привел доктора Уильяма Райта на место. Именно его энергии и преданности можно считать заслугой сохранения этих драгоценных реликвий хеттской литературы. 10 ноября 1872 года, - рассказывает он, - он отправился из Дамаска, намереваясь заполучить надписи Хамаха. Возвышенная Порта, охваченная периодическим приступом реформаторского рвения, назначила губернатором Сирии честного человека, Субхи-пашу. Субхи-паша отнесся к своей работе совестливо и, не довольствуясь исправлением обид, которым удалось пробиться в его присутствие, решил посетить каждый район своей провинции, чтобы проконтролировать порчу и выяснить нужды народа. Он пригласил меня сопровождать его в поездке в Хаму, и я с радостью принял приглашение". Вместе с мистером Грином, английским консулом, доктор Райт присоединился к паше и, опасаясь, что хаматские камни может постигнуть та же участь, что и моавитский камень, который был разбит на куски, чтобы спасти от европейцев, убедил его купить их и отправить в подарок в Константинопольский музей. Когда эта новость стала известна в Хаме, против паши поднялся долгий и глубокий ропот, и пришлось не только взывать к скупости и страху владельцев камней, но и поставить их под охрану солдат в ночь перед началом работ по их вывозу.

Ночь прошла для доктора Райта беспокойно, но когда рассвело, камни были в безопасности, и сразу же начались работы по их извлечению. Это делала целая армия кричащих людей, которые весь день держали город в напряжении. Два из них пришлось вытаскивать из стен жилых домов, а один из них был настолько велик, что пятидесяти мужчинам и четверем волам потребовался целый день, чтобы протащить его на милю. Другие камни раскалывали на две части, а части с надписями везли на спинах верблюдов во двор дворца правителя. Здесь их можно было очистить и переписать на досуге и в безопасности.

Но работа по очистке их от накопившейся за века грязи заняла большую часть двух дней. Затем предстояло сделать слепки с надписей с помощью гипса, который туземцы подкупили, чтобы привезти из окрестностей. Однако в конце концов работа была завершена, и доктор Райт с удовлетворением отправил домой в Англию два набора слепков с этих древних и загадочных текстов: один - для Британского музея, другой - для Фонда исследования Палестины, а сами оригиналы были надежно укрыты в Константинопольском музее. Теперь настало время выяснить, что означают эти надписи и кто мог быть их автором.

Доктор Райт сразу же предположил, что это дело рук хеттов и что они являются памятниками хеттской письменности. Но его предположение было похоронено на страницах периодического издания, более известного богословам, чем востоковедам, и мир

согласился называть эту письменность хаматской. Оно особенно привлекло внимание доктора Хейса Уорда из Нью-Йорка, который обнаружил, что надписи были сделаны *бустрофедонным* способом, то есть строки попеременно поворачивались справа налево и слева направо, как волны при вспашке поля, причем первая строка начиналась справа, а последующие - слева. На самом деле строки читаются в том направлении, куда смотрят персонажи.

Доктор Хейс Уорд также сделал еще одно открытие. В на развалинах великого дворца Ниневи сэр А. Х. Лэйард обнаружил многочисленные глиняные оттиски печатей, когда-то прикрепленных к документам из папируса или пергамента. Папирус и пергамент давно исчезли, но печати остались, с отверстиями, через которые проходили веревочки, крепившие их к оригинальным документам. Некоторые из печатей - ассирийские, некоторые - финикийские, другие - египетские, но есть и такие, на которых начертаны странные символы, никогда ранее не встречавшиеся. Именно эти символы доктор Хейс Уорд считал похожими на те, что были найдены на камнях Хамы, и, соответственно, предположил, что печати имеют хаматское происхождение.

В 1876 году, через два года после публикации статьи доктора Райта, о которой я тогда еще не слышал, я прочитал доклад о хамафитских надписях в Обществе библейской археологии. В нем я выдвинул ряд предположений, одно из которых заключалось в том, что хаматские иероглифы послужили источником любопытного слогового письма, использовавшегося в течение нескольких веков на острове Кипр, а другое - что иероглифы не были изобретением первых жителей Хамата, а представляли собой систему письма, применявшуюся хеттами. Из египетских записей мы знаем, что хетты умели писать и что среди них существовал класс писцов, а поскольку Хамат находился недалеко от границ хеттских царств, было разумно предположить, что неизвестная форма письма, обнаруженная на его месте, была хеттской, а не хаматской. Эта догадка подтвердилась почти сразу после открытия Кархемиша, великой хеттской столицы, и обнаружения там надписей, выполненных той же системой письма, что и на камнях Хамаха.

Поэтому прошло совсем немного времени, прежде чем ученый мир начал признавать, что вновь открытая письменность принадлежит хеттской расе. Одним из первых это сделал доктор Хейс Уорд, а попечители Британского музея решили начать раскопки среди руин Кархемиша. Тем временем был замечен факт, свидетельствующий о том, что хеттские иероглифы, как мы их теперь будем называть, использовались не только в Хамате и Кархемише, но и в Малой Азии.

Более века назад один немецкий путешественник заметил две фигуры, высеченные на скальной стене возле Ибриса, или Ивриса, на территории древней Ликаонии. Одна из них представляла собой бога, который нес в руке стебель кукурузы и гроздь винограда, другая - мужчину, который стоял перед богом в позе поклонения. Обе фигуры были обуты в сапоги с загнутыми концами, на божестве была туника, доходившая до колен, а на голове - пикообразный колпак, украшенный роговыми лентами. Прошло столетие, прежде чем скульптуру вновь посетил европейский путешественник, и опять это был немец, который нашел дорогу к этому месту. По этому случаю был сделан рисунок фигур, который Риттер опубликовал в своем большом труде по географии мира. Но рисунок был плохим и несовершенным, и первая попытка адекватно воспроизвести оригинал была предпринята преподобным Э. Дж. Дэвисом в 1875 году. Он опубликовал свою копию и рассказ о памятнике в журнале *Transactions of the Society of Biblical Archaeology* в следующем году. Он обратил внимание на то, что фигуры сопровождалась известными в то время хамафитскими символами. Три строки из них были вставлены между лицом бога и его поднятой левой рукой,

еще четыре строки были выгравированы позади его червленого грузовика, а ниже, на уровне с акведуком, питавшим мельницу, были еще строки полустертых иероглифов. Было очевидно, что и в Ликаонии, где во времена святого Павла еще сохранялся старый язык страны, когда-то использовалась хеттская система письма.

Еще один камень с хеттскими надписями был обнаружен в Алеппо. Как и камень из Хамата, он был сделан из черного базальта и вмонтирован в современную стену. Иероглифы на нем часто стирались, и жители Алеппо верили, что тот, кто потрет им глаза, немедленно излечится от офтальмии. Было сделано несколько копий надписи, но из-за сложности различения полустертых символов копии оказались малопригодны, и с камня уже собирались сделать слепок, когда пришло известие, что фанатики из Алеппо уничтожили его. Вместо того чтобы позволить добродетели выйти из него, чтобы ее украли, как они думали, европейцы, они предпочли разбить его на куски. Это один из многих памятников, которые погибли в тот самый момент, когда их значение впервые стало известно.

Таково было состояние наших знаний летом 1879 года. Мы знали, что хетты, с которыми когда-то общались евреи, египтяне и ассирийцы, обладали иероглифической системой письма, и что эта система письма была обнаружена на памятниках в Хамате, Алеппо, Кархемише и Ликаонии. Мы также знали, что в Ликаонии она сопровождала фигуры, высеченные из скалы в своеобразном художественном стиле и изображенные в своеобразной одежде.

ПЛИТЫ С

ХЕТТСКИМИ СКУЛЬПТУРАМИ.

(Сфотографировано на месте в Келлере, недалеко от Айнтаба).

Внезапно меня осенила истина. Этот особый стиль искусства, этот особый вид одежды был тем же, чем отличались скульптуры Карабела, Гиатура-Калесси и Каппадокии. У всех одинаковые характерные черты, одинаковые головные уборы и обувь, одинаковые туники, одинаковая неуклюжая массивность рисунка и характерные позы. Фигуры, высеченные на скалах Карабела и Каппадокии, должны быть памятниками хеттского искусства. Разгадка их происхождения и истории наконец-то была найдена; место рождения странного искусства, которое их создало, стало очевидным. Дальнейшие исследования удвоили уверенность в этом факте. Среди фотографий, сделанных профессором Перро на памятниках Богаз Кеуи в Каппадокии, была и надпись в десять или одиннадцать строк. Знаки этой надписи были изношены и почти неразборчивы, но они были не только рельефными, как и знаки всех других хеттских надписей, известных в то время, среди них четко выделялись два или три иероглифа, которые были идентичны тем, что были на камнях Хамата и Кархемиша. Все, что требовалось для завершения проверки моего открытия, - это посетить перевал Карабель и выяснить, принадлежат ли найденные там Тексье и другими иероглифы к хеттской письменности.

Более трех часов я провел в нише, где была высечена фигура, которую Геродотос считал подобием египетского Сесостриса. Для того чтобы восстановить символы надписи и определить их точные формы, необходимо было сделать не только копии, но и "выжимки". Моя радость была велика, когда я обнаружил, что они хеттские, и что вывод, к которому я пришел в своем исследовании дома, был подтвержден самим памятником. Сесострис из Геродота оказался не великим фараоном, сражавшимся с хеттами из Кадеша, а символом далеко идущей силы и влияния его могущественных противников. Было доказано, что хеттское искусство и хеттская письменность, если не само название хеттов, были известны от берегов Евфрата до берегов Эгейского моря.

Каменный воин Карабель стоит в своей нише в скале на значительной высоте над тропой, и направление, в котором он шествует, соответствует тому, которое привело бы его к Эфесу и Меандру. Его спутник лежит внизу, а каменная глыба, из которой высечена вторая фигура, очевидно, была выбита землетрясением из скал наверху. Эта вторая фигура является дубликатом первой. Обе стоят в одинаковой позе, обуты в одинаковые снегоступы, вооружены копьем и луком. Но вторая фигура сильно пострадала от рук человека. Верхняя часть была намеренно отколота, и не так много лет назад напротив каменной глыбы, из которой она высечена, была разбита палатка юруков, а ниша, в которой стоит старый воин, удобно служила семейным очагом. От надписи не осталось и следа, если она вообще когда-либо существовала. Во всяком случае, она не могла идти поперек груди, как утверждает Геродотос.

ПСЕВДО-СЕСОСТРИС, ВЫСЕЧЕННЫЙ НА СКАЛЕ В ПРОХОДЕ КАРАБЕЛЬ.

Рассказ Геродотоса об этих двух фигурах вряд ли мог быть рассказом очевидца. Вместо того чтобы быть чуть выше трех футов в высоту, они более чем в натуральную величину, и копья они держат не в правой, а в левой руке. Кроме того, их амуниция настолько не похожа на "египетскую и эфиопскую", насколько это вообще возможно, а надпись прослеживается не на груди, а между лицом и рукой. Греческий историк также не ошибся, сказав, что проход,

который охраняют два воина, ведет не только из Эфеса в Фокею, но и из Сард в Смирну. И только после того, как перевал расчищен с северной стороны, проходящая через него дорога - *Карабель-дере*, как ее теперь называют турки, - соединяется с *Белкайве*, или дорогой из Сард в Смирну. Очевидно, что Геродот, должно быть, получил свой рассказ об этих фигурах из другого источника, хотя его отождествление их с египетским Сесострисом является его собственным.

Недалеко от Карабеля был обнаружен еще один памятник хеттского искусства. Недалеко от города Магнесия, на возвышенной скале Сипилос, из скалы была высечена странная фигура. Она представляет собой женщину с длинными волосами, струящимися по плечам, и драгоценным камнем в виде цветка лотоса на голове, которая восседает на троне в глубокой искусственной нише. Лидийские историки рассказывают, что это изображение дочери Ассаона, которая искала смерти, сбросившись с обрыва, но греческая легенда предпочитает видеть в нем фигуру "плачущей Ниобы", обращенной в камень. Уже Гомер рассказывал, как Ниоба, когда ее двенадцать детей были убиты богами, "теперь, превратившись в камень, размышляет над бедами, которые принесли боги, там, среди скал, в одиноких горах, даже в Сипилосе, где, как говорят, находятся ложа нимф, танцующих на берегах Ахелоиса". Но только после расселения греков в Лидии старый памятник на горе Сипилос стал считаться изображением Ниобек. Известняковая скала, из которой он был высечен, пропиталась влагой после дождя, и когда вода стекала по лицу фигуры, расщепляя и обезображивая камень, благочестивый грек видел в ней Ниобе из своей собственной мифологии. Изначально это была фигура великой богини Малой Азии, известной раз как Атергатис или Деркетто, иногда как Кибелка, иногда под другими именами. Тому, кто видел изображение Ноферт-ари, любимой жены Рамсеса II, сидящей в нише скалы на утесе Абу-Симбел, трудно не поверить, что художник, высекавший изображение на горе Сипилос, побывал на Ниле. С небольшого расстояния оба изображения выглядят одинаково, а при ближайшем рассмотрении оказывается, что, хотя египетская работа более тонкая, чем лидийская, она поразительно похожа на нее. Однако теперь мы знаем, что "Ниобка" из Сипилоса обязана своим происхождением хеттскому искусству. На скальной стене, в которой вырублена ниша, где восседает богиня, доктор Деннис обнаружил картуш с хеттскими иероглифами. Связав вместе несколько лестниц, нам с ним удалось взобраться на него и сделать бумажные оттиски иероглифов. Среди них есть иероглиф, который имеет значение "царь". [8]

Как появились эти иероглифы и эти творения хеттского искусства в регионе, столь отдаленном от того, в котором возникли и процветали хеттские царства? Как получилось, что мы находим фигуры хеттских воинов на перевале Карабель и на скалах Гиаур-Калесси, а также изображение хеттской богини на скалах Сипилоса? Чья рука выгравировала сопровождающие их иероглифы - те же самые, что встречаются нам на камнях Хамата и Кархемиша? Теперь нам предстоит узнать, какие ответы можно дать на эти вопросы.

[6] В Академии от 16 августа 1879 года.

[7] *Travels in Syria*, p. 146.

[8] Копия надписи, сделанная с выдавливания, приведена в *Transactions of the Society of Biblical Archaeology*, VII. Глазная копия, сделанная с земли д-ром Деннисом по случаю открытия картуша, была опубликована в *Трудах* того же Общества за январь 1881 года, и она обязательно несовершенна.

ПАМЯТНИК

ХЕТТСКОГО ЦАРЯ, НАЙДЕННЫЙ В КАРХЕМИШЕ.

ГЛАВА IV.

ХЕТТСКАЯ ИМПЕРИЯ.

Мы видели, что египетские памятники свидетельствуют о распространении власти хеттов на отдаленные регионы Малой Азии. Когда цари Кадеша сражались с великим фараоном Угнетения, они смогли призвать себе на помощь союзников из Троады, а также из Лидии и с берегов Киликийского моря. Спустя столетие в Египет снова вторглась конфедерация, состоявшая частично из хеттских правителей Кархемиша и Алеппо, частично из ливийцев и теукрийцев, а также других жителей Малой Азии. Если можно доверять предложенным египетскими учеными идентификациям стран, откуда происходили вассалы и союзники хеттов, то очевидно, что памятники хеттской власти и завоеваний должны быть найдены в Малой Азии.

И они были найдены, как только было признано, что любопытные памятники Малой Азии, примерами которых являются воины Карабела и скульптуры Ибриза, на самом деле были вдохновлены хеттским искусством. Как только стало известно, что искусство, которое представляют эти памятники, и особая форма письменности, которая их сопровождала, имели свою первую родину в сирийских городах хеттских племен, новый свет пролился на доисторическое прошлое Малой Азии. Эти хеттские памятники можно проследить по двум непрерывным линиям от Северной Сирии и Каппадокии до западной оконечности полуострова. Они следуют по двум дорогам, которые когда-то вели из Азии в Сарды и к берегам Эгейского моря. На юге они образуют как бы серию станций в Ибрезе и Булгар-Мадене в Ликаонии, в Фасилере и Тириайоне между Иконионом и озером Бейшехр, и, наконец, на перевале Карабель. На север линия проходит через Тавр у Мераша и приводит нас сначала к дефиле Гурун, а затем к великим каппадокийским руинам Богаз-Кеуи и Эюк, откуда мы проходим мимо Гяур-Калесси и места захоронения старых фригийских царей, пока снова не достигнем лидийской столицы и перевала Карабель.

К западу от Халиса и Каппадокии они отличаются некоторыми особенностями. Они встречаются либо вблизи серебряных рудников, как в Ликаонии, либо на линии древних дорог, которые в конце концов сходились в Лидии. Их не было обнаружено ни на центральном плато Малой Азии, ни в горах Ликийи на юге, ни на обширном побережье севера. Они обозначают места небольших колоний или линии дорог, которые их соединяли. Кроме того, за исключением изображения богини, восседающей на своем троне на горе Сипилос, западные памятники представляют собой фигуры воинов, идущих вперед. Так было в Карабеле; так было и в Гиаур-калесси, где скала, на которой высечены два хеттских воина, находится под остатками доисторической крепости.

Подобные факты допускают только одно объяснение. Хеттские памятники в западной части Малой Азии должны быть памятниками военного завоевания и превосходства. В воинах, чьи фигуры стояли по обе стороны перевала Карабела, скульптор должен был видеть зримые символы хеттской власти. Они показывали, что хетты завоевали и удерживали перевал силой оружия. Это эмблемы завоевания, а не творения отечественного искусства.

Но завоевание неизбежно должно было принести с собой цивилизующее влияние. Хетты не могли унести с собой искусство и культуру, которые они приобрели на Востоке, не повлияв на

варварское население, над которым они претендовали на власть. Вассальные вожди Лидии и Трояды не могли вести свои войска в Сирию или помогать во вторжении в Египет, не узнав кое-что о древней цивилизации, с которой они соприкасались. Хетты, по сути, должны считаться первыми учителями грубого населения Запада. Они принесли с собой культуру, первые элементы которой были заложены в Вавилонии; они также принесли систему письма, из которой, по всей вероятности, аборигены Малой Азии впоследствии создали свою собственную письменность.

Поэтому вполне возможно, что некоторые хеттские памятники Малой Азии - дело рук не самих хеттов, а местного населения, которое они цивилизовали и обучили. Возможно, именно так обстоят дела в Ибрезе, где лица бога и его поклонника имеют еврейские черты, совсем не похожие на те, что встречаются на памятниках чисто хеттского происхождения. Но если не считать таких случаев, когда монумент обусловлен скорее хеттским влиянием, чем хеттскими художниками, можно с уверенностью сказать, что большинство хеттских мемориалов Малой Азии - творения самих хеттов. Об этом свидетельствуют иероглифы, которые к ним прилагаются, а также единый тип черт лица и одежды, который преобладает от Кархемиша до Эгейского моря. Невозможно объяснить такое единообразие, а тем более необычайное сходство между иероглифами, выгравированными в Карабеле или на горе Сипилос, и теми, что встречаются нам в надписях Хамата и Кархемиша, иначе как предположением, что эти памятники были выполнены людьми, принадлежавшими к одной расе и говорившими на одном языке. Везде, где встречаются хеттские надписи, мы находим одинаковые сочетания иероглифов, а также использование одних и тех же символов для обозначения грамматических суффиксов.

Таким образом, мы можем с уверенностью заключить, что существование хеттской империи, простиравшейся в Малую Азию, подтверждается не только записями Древнего Египта, но и сохранившимися хеттскими памятниками. Во времена Рамсеса II, когда сыны Израиля стонали от непосильных задач, враги их угнетателей уже осуществляли власть и господство, которые соперничали с властью Египта. Египетский монарх вскоре узнал, что хеттский принц такой же "великий" царь, как и он сам, и может призвать себе на помощь жителей неведомого севера. Притязания фараона на суверенитет оспаривали противники, столь же могущественные, как и правитель Египта, если не более могущественные, и среди них всегда находилось убежище для тех, кого притеснял египетский царь.

Однако, когда мы говорим о хеттской империи, мы должны четко понимать, что это значит. Это не была империя, подобная Римской, где подвластные провинции были объединены под центральной властью, подчинялись одним и тем же законам и одному верховному главе. Это не была империя, подобная персам или ассирийским преемникам Тиглата-Пилесера III, которые представляли собой организованный союз многочисленных государств и народов под властью одного правителя. Такой концепцией империи мы обязаны Тиглату-Пилесеру III и его преемнику Саргону; это была новая идея в мире, которая никогда не была реализована ранее. Первая ассирийская империя, как и внешняя империя Египта, имела совершенно иной характер. Она зависела от военной предприимчивости и силы отдельных монархов. Пока ассирийский или египетский царь мог вести свои армии на далекие территории и заставлял их жителей платить ему дань и почести, его империя простиралась над ними. Но едва он возвращался домой, нагруженный добычей, как мы видели, что подвластное население сбрасывало свою верность и утверждало свою независимость, а смерть завоевателя почти всегда приводила к всеобщему восстанию племен и городов, которые были покорены его оружием. До времен Тиглата-Пилесера империя в Западной Азии означала власть князя, который заставлял чужой народ подчиняться своему правлению.

Завоеванные провинции приходилось покорять снова и снова; но пока это удавалось сделать, пока борьба туземцев за свободу могла быть подавлена походом, империя существовала.

Именно такую империю создали хетты в Малой Азии. Как долго она просуществовала, мы не можем сказать. Но до тех пор, пока далекие расы Запада отвечали на призывы хеттских князей к войне, она оставалась реальностью. Тот факт, что племена Троады и Лидии сражаются под командованием хеттских царей Кадеша, доказывает, что они признавали верховенство своих хеттских владык и следовали за ними в бой, как вассалы какого-нибудь феодального вождя. Если бы хеттские армии не доходили до берегов Эгейского моря, а хеттские князья могли время от времени требовать почестей от народов дальнего запада, Египту не пришлось бы бороться с населением Малой Азии в своих войнах с хеттами, а фигуры хеттских воинов не были бы изваяны на скалах Карабела. Было время, когда имени хеттов боялись вплоть до западной оконечности Малой Азии, а хеттские сатрапы имели резиденцию в будущей столице Лидии.

Традиции этого периода дошли до классических времен. Старшая династия лидийских царей вела свое происхождение от Бэла и Ниноса, вавилонских или ассирийских богов, чьи имена хетты перенесли на далекий запад. Лидийский герой Кайстер, давший свое имя Кайстрийской равнине, по легенде, забрел в Сирию и там, после ухода за Семирамидой, стал отцом Деркетто, богини Кархемиша. Говорят, что один лидиец даже утопил Деркетто в священном озере Ашкелона, а Евсевий утверждает, что Сарды, столица лидийцев, были впервые захвачены в 1078 году до н. э. ордой захватчиков из северо-западных областей Азии.

Но именно в знаменитой легенде об амазонках мы должны искать главное свидетельство, дошедшее до нас от классической древности, о влиянии, которое когда-то оказывали хетты в Малой Азии. Амазонки представлялись народом женщин-воительниц, чья первобытная родина находилась в Каппадокии, на берегу Фермодона, недалеко от руин Богаз-Кеуи. Отсюда они отправились покорять народы Малой Азии и основали империю, простиравшуюся до Эгейского моря. Им приписывается строительство многих из самых известных городов на побережье Эгейского моря: Мирина и Кима, Смирна и Эфес, где поклонение великой азиатской богине продолжалось с варварскими церемониями в более позднюю эпоху цивилизованной Греции.

Теперь эти амазонки - не что иное, как жрицы азиатской богини, чей культ распространился из Кархемиша вместе с продвижением хеттских армий. Ей служило множество вооруженных жриц и жрецов-евнухов; под именем Ма, например, не менее шести тысяч из них ждали ее в Комане в Каппадокии. Некоторые города, такие как Комана и Эфес, были посвящены ее служению, и большая часть населения, соответственно, становилась вооруженными служителями могущественной богини. Как правило, это были женщины, как в Эфесе в ранние времена, где они подчинялись верховной жрице, которая называла себя "царицей-пчелой". Когда Эфес перешел в руки греков, богиня, которой там поклонялись, была отождествлена с греческой Артемидой, а место верховной жрицы занял жрец. Но жрицу Артемиды по-прежнему продолжали называть "пчелой", напоминая нам, что Дебора или "Пчела" - имя одной из величайших пророчиц древнего Израиля; а саму богиню продолжали изображать в той же форме, которая принадлежала ей в хеттские времена. На ее голове была так называемая фресковая корона, хеттское происхождение которой теперь не вызывает сомнений благодаря скульптурам Богаза Кеуи, а ее колесница была запряжена львами. От хеттов Артемиде получила и свое священное животное - козла.

Копьеносцы" амазонок, пришедшие из Каппадокии, завоевавшие Малую Азию и так тесно связанные с поклонением эфесской Артемиде, - не кто иные, как жрицы хеттской богини, которые танцевали в ее честь, вооружившись щитом и луком. В античном искусстве амазонки изображены одетыми в хеттские туники и с тем же двуглавым топором, который держат в руках некоторые хеттские божества на скалах Богаз-Кеуи, а "копье", которое им приписывает греческий поэт, заставляет нас вспомнить о копье, которое держали воины Карабела. Мы не можем объяснить миф об амазонках иначе, как предположением, что они представляли собой вооруженных жриц хеттской богини, и что традиция хеттской империи в Малой Азии сплелась вокруг истории их прибытия на Запад. Города, которые они, как говорят, основали, должны были быть местами хеттского правления.

Хетты были захватчиками как в Сирии, так и в западной части Малой Азии. Все указывает на то, что они спустились с хребтов Тавра. Их костюм был присущ жителям холодного и горного региона, а не теплых долин юга. Вместо шлейфовых одеяний сирийцев национальным костюмом была туника, которая не доходила до колен. Только после поселения в сирийских городах они переняли одежду этой страны; на скульптурных скалах Малой Азии они изображены в такой же короткой тунике, которая отличала дорийцев Греции или древних жителей Арарата. Но самой характерной частью хеттского одеяния была обувь с загнутыми концами. Где бы ни была изображена фигура хетта, везде мы находим эту своеобразную форму обуви. Она вновь появляется среди иероглифов надписей, а египетские художники, украсившие стены музея Рамес в Фивах, поместили ее на ноги хеттских защитников Кадеша. На самом деле сапог - это снегоступы, прекрасно приспособленные для ходьбы по снегу, но плохо подходящие для жителей равнинной или возделанной страны. Тот факт, что хетты из Кадеша все еще использовали его в теплой плодородной долине Оронта, лучше всяких других аргументов доказывает, что они должны были прийти с заснеженных гор севера. Он похож на обувь похожей формы, которую турки принесли с собой в своих миграциях с севера и внедрили среди коренных жителей Сирии и Египта. Она с безошибочной уверенностью указывает на северное происхождение турецкого завоевателя. Он стоит в таком же отношении к современному населению Сирии, в каком хетты стояли к арамеям Кадеша три тысячи лет назад.

Не менее значима и длинная перчатка без пальцев, которая является одним из самых частых хеттских иероглифов. Только большой палец отделен от остального мешка, в который были заключены пальцы. Такая перчатка красноречиво свидетельствует о ветреном холоде тех регионов, откуда пришли ее владельцы, и подобная перчатка до сих пор используется в зимние месяцы крестьянами современной Каппадокии.

Еще одно доказательство северного происхождения хеттских племен мы можем найти в иероглифе, который используется в значении "страна". На нем изображены две, а иногда и три остроконечные горы, формы которых, как было замечено несколько лет назад, напоминают горы вокруг Кайсарии, столицы Каппадокии.

Если мы покидаем Кадеш и движемся на север, местные названия все больше и больше несут на себе печать хеттского происхождения. Мы оставляем позади такие семитские названия, как Kadesh, "святилище", и в конце концов оказываемся в районе, где географические названия уже не допускают семитской этимологии. Более того, именно в этом районе хеттские надписи впервые становятся многочисленными. Первыми на юге встречаются камни Хамата и утраченная надпись в Алеппо; но от Кархемиша на север, как мы теперь знаем, их сохранилось немало. Территория, покрытая ими, представляет собой квадрат, основание которого образует линия, идущая от Кархемиша через Антиохию в Ликаонию, а остатки в Богаз-Кеуи и Эюке составляют его северную границу. Мы должны

рассматривать этот регион как первобытный дом и отправную точку хеттской расы. Это было население, которое сгруппировалось вокруг двух флангов хребта Тавра, простираясь далеко в Каппадокию на севере и в Армению на востоке.

Они сохраняли свою независимость на берегах Халиса в Каппадокии в течение почти двухсот лет после падения Кархемиша. Незадолго до свержения Лидии Киром лидийский царь Крёсос разрушил города Птерии, где сейчас стоят руины Богаз-Кеуи и Эюка, и поработил их жителей, отомстив им за завоевание своей страны их предками за много веков до этого. Геродот называет их "сирийцами", что греческий географ Страбон квалифицирует как "белые сирийцы". Таким образом греческий писатель хотел отличить их от темнокожих сирийцев арамейского или еврейского происхождения, с которыми он был знаком; и это напоминает нам, что если египетские художники рисовали хеттов с желтой кожей, то сирийцев они рисовали с красной. Интересно, что память об их родстве с населением сирийской стороны Тавра так долго сохранялась среди этих хеттов Каппадокии.

ДВУГЛАВЫЙ

ОРЕЛ ЭЮКА.

Богаз Кеуи и Эюк расположены в районе, известном грекам как Птерия. В Эюке сохранились остатки огромного дворца, стоявшего на искусственной земляной платформе, подобно дворцам Ассирии и Вавилона. Стены дворца, сложенные из огромных блоков тесаного камня, до сих пор прослеживаются во многих местах. К нему вела аллея из скульптурных плит, на которых были изображены львы, некоторые из них в момент пожирания барана. Голова и поза одного из них, сохранившаяся до наших дней, напоминают аллею сфинксов с головами баранов, которая вела к Карнакскому храму в Фивах. Вход во дворец с обеих сторон обрамляли два огромных монолита из гранита, на внешних гранях которых были рельефно

высечены изображения сфинкса. Но хотя художник явно отправился за образцом в Египет, очевидно также, что он изменил формы, которым подражал, в соответствии с национальными представлениями. Головной убор, как и ноги, у сфинксов не египетские, ожерелье проходит под подбородком, а не спадает через грудь, а сам сфинкс стоит прямо, а не лежит, как в Египте. На правой стороне того же каменного блока, на котором изображен сфинкс, с внутренней стороны также изображен двуглавый орел с животным, которое профессор Перро считает зайцем в когтях, и человек, стоящий на его двуглавой голове. Такой же двуглавый орел, поддерживающий фигуру человека или бога, встречается в Богаз Кеуи и должен рассматриваться как одна из особенностей хеттского символизма и искусства. В более поздние времена этот символ переняли туркоманские князья, которые, возможно, впервые увидели его на хеттских памятниках Капподокии; а в XIV веке крестоносцы привезли его с собой в Европу. Здесь он стал эмблемой германских императоров, которые передали его современным королевствам России и Австрии. Это не единственная реликвия хеттского искусства, дошедшая до наших дней.

Перемычка дворцовых ворот в Эйюке была из цельного камня, и, если профессор Перро прав, огромная каменная перемычка, украшенная львиной головой, до сих пор лежит на земле в виде фрагментов. Вход был обрамлен стенами, на которых были высечены барельефы, как во дворцах, построенных царями Ассирии. Они образовывали, по сути, дадо, а остальная часть стены над ними была, вероятно, из кирпича, покрытого лепниной и раскрашенного яркими красками. Многие из скульптурных блоков до сих пор лежат разбросанными на земле. Здесь изображен жрец перед алтарем, там - священный бык, установленный на пьедестале. Неподалеку - изображение двух мужчин, один из которых несет лиру, а другой - козла; на другом камне изображен человек, который, не обращая внимания на перспективу, взбирается по лестнице. Другой рельеф представляет нам трех баранов и козла, за рог которого ухватился пастух; в другом месте мы снова видим богиню, сидящую в кресле своеобразной конструкции, с ногами на табурете и предметами, похожими на цветы, в руках. Похожая скульптура была найдена в Мераше, на южной стороне Тавра, в пределах древнего Комагена, причем даже такие детали, как форма кресла и табурета, были одинаковыми в обоих случаях. Эти два рельефа могли быть выполнены одной и той же рукой.

Сфинксы, охранявшие вход во дворец Эйюка, и аллея, ведущая к ним, недвусмысленно свидетельствуют о влиянии египетского искусства на его строителей. Они возвращают нас к периоду, когда хетты Капподокии контактировали с жителями Нила, и таким образом подтверждают свидетельства египетских записей. Должно быть, было время, когда население далекой Капподокии общалось с населением Египта, и это время, как мы узнаем из египетских памятников, было эпохой Рамзеса II. Возможно, не стоит заходить слишком далеко, если предположить, что дворец Эйюка был возведен в XIII веке до нашей эры и является реликтом того периода, когда власть хеттских князей из Кадеша или Кархемиша простиралась далеко на север, до окрестностей Халиса. Вполне возможно, что первоначально дворец был летней резиденцией царей, чьи дома находились на юге. Плато, на котором стоят Эйюк и Богаз Кеуи, находится на высоте более 2000 футов над уровнем моря, и зимы здесь очень холодные. С декабря на земле лежит много снега. Хорошо известно, что потомки рас, изначально происходивших из холодного климата, переносят жару южного лета с нетерпением; и те же причины, которые заставляют современных английских правителей Индии удаляться на лето на горные высоты, могли заставить хеттских владык Сирии построить свой летний дворец на Каппадокийском нагорье.

СКУЛЬПТУРЫ В

БОХАЗ КЕУИ.

Скульптуры из Богаз-Кеуи относятся к более позднему времени, чем скульптуры из Эюка. Богаз-Кеуи находится в пяти часах езды к юго-западу от Эюка, на месте некогда многолюдного города. Протекающий мимо него ручей отделяет руины города от замечательной серии скульптур, высеченных на скалах гор, с которых открывался вид на город. Город был окружен массивной стеной из каменной кладки, а внутри нее находились две цитадели, прочно построенные на вершинах двух валов скалы. Стена была без башен, но у ее подножия проходил ров, прорезанный частично в скале, частично в земле, причем земля была покрыта гладким и скользким слоем каменной кладки. Самым важным зданием в городе был дворец, план которого был составлен современными путешественниками. Как и дворец Эюка, он был возведен на искусственной насыпи или земляной террасе, и его орнамент, похоже, был схож с орнаментом Эюка. Но от него мало что осталось, кроме

фундамента стен и опрокинутого каменного трона, который когда-то стоял в центральном дворе, опираясь на тела двух львов. Львиные головы были также высечены на колоннах, которые составляли косяки городских ворот.

Интерес Богаз Кеуи представляют скульптуры, которые с такой тщательностью были высечены на скалистых стенах гор. Здесь были использованы два узких углубления, бока и пол которых были искусственно сформированы и выровнены. Первое и самое большое углубление можно назвать прямоугольным. По обе стороны от нее, как вдоль фасада комнаты, тянутся две длинные линии рельефных фигур, которые в конце концов сходятся в конце, противоположном входу. С левой стороны мы видим линию мужчин, почти все они одеты одинаково - в короткие туники, диадемы с пиками и сапоги с загнутыми концами, характерные для хеттского искусства. Временами, однако, их прерывают другие фигуры в длинных сирийских одеяниях, которые, возможно, предназначены для женщин. Среди них два карликовых существа, поддерживающих полумесяц луны, и через некоторое время процессия превращается в шествие нескольких божеств, каждое из которых имеет свое имя, написанное хеттскими иероглифами. Повернув за угол углубления, процессия состоит из трех богов, двое из которых стоят на горных вершинах, а самый главный (с козлом рядом) опирается на головы двух обожающих его жрецов. Перед ним стоит главная фигура другой процессии, которая начинается с восточной стороны углубления и, наконец, встречается с первой на его северной стене. Это фигура великой азиатской богини, которая носит на голове настенную корону и стоит на пантере, а рядом с ней, как и рядом с богом, которого она приветствует, изображен козел. Позади нее на пантере стоит юноша-бог с двуглавым боевым топором в руке, а за ним - две жрицы с настенными коронами, ноги которых опираются на головы и крылья двуглавого орла. Этот орел, форма которого повторяет скульптуру из Эюка, завершает серию рисунков, представленных на северной стене. Восточная стена занята длинным рядом, сначала богинь, а затем жриц. Там, где линия наконец обрывается, мы наталкиваемся на одиночную скульптуру. Это изображение евнуха-жреца, который стоит на горе и держит в одной руке изогнутый авгур-жезл, в другой - странный символ, изображающий жреца в расшитых одеждах, который стоит на башмаке с вздернутыми концами и поддерживает крылатый солнечный диск, две конечности которого опираются на бесформенные колонны.

БОХАЗ КЕУИ.

СКУЛЬПТУРЫ В

Вход во вторую нишу с обеих сторон охраняют два крылатых чудовища с человеческими телами и головами собак. Он ведет в искусственно вырытый проход прямоугольной формы, на скальных стенах которого высечены отдельные группы фигур и эмблем. На западной стене - ряд из двенадцати жрецов или воинов, каждый из которых несет на плече косу; напротив них на восточной стене - два рельефа странного характера. На одном из них изображен юноша-бог, которого, возможно, звали Аттис, обнимающий левой рукой евнуха-жреца, над головой которого выгравирован странный символ, который уже был описан. Другая скульптура изображает голову бога, увенчанную диадемой с пиками и опирающуюся на двуглавого льва, который стоит на задних лапах двух других львов, чьи головы опираются на колонну или стебель. Все эти скульптуры когда-то были покрыты лепниной и таким образом сохранились от воздействия погоды.

Очевидно, что в этих двух горных углублениях находится святилище, формы и символы божеств которого были изваяны на его стенах из живого камня. Это было слишком святое святилище, чтобы ограничиваться стенами города, а верховными божествами, которым оно было посвящено, были бог и богиня, которым служило множество жрецов - мужчин и женщин. В действительности, как замечает профессор Перро, Богаз Кеуи должен был быть священным городом, подобным Комане, жители которого были посвящены главным божествам, обожаемым хеттами, и управлялись верховным жрецом. Это был такой же "Кадеш" или "Иераполис", такой же "святой город", как и сам Кархемиш.

Не только его скульптуры доказывают нам, что это был город хеттов. К фигурам божеств, как и в Эюке, прикреплены те же иероглифы, что встречаются в надписях Хамата и Алеппо, Кархемиша и Мераша, а в его стенах, к югу от развалин дворца, профессор Перро обнаружил длинный текст из девяти или десяти строк, вырубленный в скале, и хотя изношенный и изуродованный временем и погодой, все еще демонстрирующий формы многих хеттских символов. Насколько можно судить по опубликованной им фотографии, формы совпадают с теми, что встречаются на хеттских памятниках Сирии.

Какими бы утомительными ни казались все эти детали, их необходимо было привести, поскольку они рассказывают нам о внешнем виде и конструкции хеттского города, хеттского дворца и интерьера хеттского храма. Открытия, сделанные недавно в хеттских районах к югу от Тавра, показывают нам, что и здесь дворцы и храмы были похожи на дворцы и храмы Эюка и Богаз Кеуи. Здесь мы также находим те же дадо, изваянные теми же фигурами, одетыми в те же костюмы; здесь мы также встречаем тех же львов и крылатых божеств, стоящих на спинах животных. Фотография скульптуры на глыбе базальта в Кархемише, сделанная доктором Гвайтером, могла быть сделана в Богаз-Кеуи. Искусство, формы и символика одинаковы.

Дорога из Богаз-Кеуи в Мераш должна была проходить через дефиле Гурун, где сэр Чарльз Уилсон обнаружил хеттские надписи, высеченные на скале. Но, возможно, существовала и вторая дорога, которая вела через Кайсарию, современную столицу Каппадокии, на юг, в Бор или Тиану, где профессор Рамсей нашел хеттский текст, а оттуда - к серебряным рудникам Булгар-Дага. Барельефы Ибриза находятся недалеко от знаменитых Киликийских ворот, которые вели путешественника с большого центрального плато Малой Азии к Тарсу и морю.

Похоже, что серебряные рудники Булгар-Дага были впервые разработаны хеттскими горняками. Серебро обладало особой притягательностью для хеттской расы. Материал, на котором была написана хеттская версия договора между хеттским царем Кадеша и египетским фараоном, представлял собой табличку из этого металла. То, что такие таблички часто использовались, следует из того факта, что почти все известные нам хеттские надписи

не вырезаны, а высечены рельефно на камне. Поэтому очевидно, что хетты должны были сначала начертать свои иероглифы на металле, а не на дереве, камне или глине; только в случае с металлом выбивать или отливать рельеф менее трудоемко, чем вырезать металл гравировальным инструментом, и ничто не может более ясно доказать, как давно хеттские писцы привыкли к этому, чем их подражание этой работе на рельефе, когда они перешли к письму на камне. Возможно, что большая часть серебра, которое они использовали, поступила из Булгарского дага. Хеттская надпись, найденная г-ном Дэвисом возле старых рудников в этих горах, доказывает, что они когда-то занимали эту местность. Возможно даже, что их поселение на некоторое время в Лидии также было связано с их страстью к "яркому металлу". Во всяком случае, Гумуш-Даг, или "Серебряные горы", лежат к югу от Карабельского перевала, и в них до сих пор можно обнаружить следы старых разработок.

Как бы то ни было, хеттские памятники Малой Азии поразительным образом подтверждают свидетельства египетских надписей. Они показывают нам, что хетты добывали серебро в горах, которые смотрели вниз на Киликийскую равнину, откуда влияние их искусства и письменности распространялось на саму равнину. Они также показывают, что центральным пунктом хеттской власти был квадрат по обе стороны хребта Тавра, который включал Кархемиш и Комаген на юге, район к востоку от Халиса на севере и страну, столицей которой был Малатийе, на востоке. Хеттские племена, по сути, были горцами с плато Каппадокии, которые распространились во всех направлениях. Наступило время, когда под предводительством могущественных князей они прошли по двум магистралям Малой Азии и установили свое господство над прибрежными племенами дальнего запада. На эпоху, к которой относится эта военная империя, указывает египетский характер так называемого изображения Ниобе на скале Сипилоса, а также сфинксы, охранявшие вход во дворец Эюка. Она восходит к тем временам, когда правители Кадеша могли призвать к себе на помощь вассалов-вождей эгейского побережья. Памятники, которые хетты оставили после себя в Малой Азии, свидетельствуют о том же, что и египетские записи. Народ, к которому принадлежали Урия и, возможно, Бат-шеба, не только на равных сражался с одним из величайших египетских царей; он пронес свое оружие через всю Малую Азию, поставил сатрапов в городах Лидии и принес цивилизацию Востока варварским племенам далекого Запада.

ГЛАВА V.

ГОРОДА И РАСА ХЕТТОВ.

Об истории "белых сирийцев", или хеттов, живших в земле Птерия, близ Халиса, в настоящее время ничего не известно, кроме того, что мы можем почерпнуть из развалин их крепости в Богаз-Кеуи и дворца в Эюке. То же самое можно сказать и о хеттских племенах Малатийе и Комагене. Когда удастся расшифровать надпись, украшающую тело каменного льва, найденного в Мераше, она, несомненно, прольет свет на раннюю историю города; в настоящее время мы не знаем даже его древнего названия. Только когда мы покидаем горный регион, изначально занятый хеттами, и спускаемся в долины Сирии, летописи их соседей начинают кое-что рассказывать нам об их судьбах и достижениях. История двух их южных столиц, Кархемиша и Кадеша, хоть и неполная и несовершенная, но не совсем пустая.

Место Кархемиша долгое время искали безрезультатно. Одно время его отождествляли с Киркезионом или Цирцеей классической географии, построенной в месте слияния Хабура и Евфрата. Но ассирийское название Киркесиона было Сирки, а его местоположение не совпадало с тем, которое в ассирийских текстах приписывается Гаргамису или Кархемишу. Профессор Масперо впоследствии поместил его в Мембидж, древний Мабог или Иераполис, на основании свидетельств классических авторов и египетских памятников; но руины Мембиджа не содержат ничего более раннего, чем греческий период, а их расположение на скалистом плато на расстоянии от Евфрата не согласуется с фактом, известным нам из ассирийских надписей, что Кархемиш командовал бродами через Евфрат.

Мистеру Скене, в течение многих лет являвшемуся английским консулом в Алеппо, принадлежит заслуга первого открытия истинного местоположения старой хеттской столицы. На западном берегу Евфрата, на полпути между Биреджиком и устьем Саджура, возвышается искусственная земляная насыпь, под которой время от времени находили руины и каменные скульптурные блоки. Он был известен как Джераблус, или Калаат Джераблус, "крепость Джераблус", иногда ошибочно пишут Джерабис; в названии Джераблус г-н Скене без труда распознал арабское искажение Иераполиса. В римскую эпоху название Иераполис или "Святой город" было перенесено на соседний город Мембидж, который унаследовал традиции и религиозную славу древнего Кархемиша; но когда победа христианства в Сирии принесла с собой падение великого храма Мембиджа, название исчезло из позднего города, и о нем помнят только в связи с руинами древнего Кархемиша.

Спустя два года после открытия г-на Скейна мистер Джордж Смит посетил Кархемиш во время своего последнего злополучного путешествия, из которого он так и не вернулся, и сразу же понял, что г-н Скейн определил его правильно. Расположение Джераблуса соответствовало требованиям ассирийских текстов, он лежал на большой дороге, которая раньше вела с востока на запад, и среди его руин была найдена надпись хеттскими буквами. Вскоре после этого в Британский музей были доставлены бронзовые ленты, которые когда-то украшали ворота ассирийского храма, а на одной из них рельефно изображен Кархемиш, каким он выглядел во времена Иеху Израильского. Евфрат изображен протекающим мимо его стен, что убедительно показывает, что Иераблус, а не Мембий, должен быть местом, на котором он стоял.

Место было куплено мистером Хендерсоном, преемником мистера Скена в Алеппо, а деньги бывший владелец вложил в покупку коровы. Сильные мира сего пали, когда столица хеттов, устоявшая перед армиями Египта и Ассирии, была оценена не более чем в цену полевого животного. В 1878 году попечители Британского музея наняли мистера Хендерсона для проведения раскопок на этом месте, но за рабочими не было установлено достаточного контроля, и хотя несколько останков хеттской скульптуры и письменности попали в Лондон, большая часть была оставлена для пережигания на известь местными жителями или использована при строительстве мельницы.

Древний город был защищен с двух сторон Евфратом и был открыт только на севере и западе. Здесь, однако, был прорыт искусственный канал, по обе стороны которого возвышалась крепостная стена. Курган, который впервые привлек внимание г-на Скинэ, обозначает место царского дворца, где раскопщики обнаружили остатки дадо, подобного Эюку: на лицевой стороне камней были высечены изображения богов и людей. Мужчины были обуты в сапоги с загнутыми концами, что является неизменной чертой хеттского искусства.

Кархемиш имел долгую историю. Когда мы впервые услышали о нем в египетских записях, он уже находился в руках хеттов. Тотмес III. сражался под его стенами, а его самые храбрые воины погружались в Евфрат в своем стремлении схватить врага. Тиглат-Пилесер I. видел его стены с противоположного берега Евфрата, но не решился подойти к ним. Ассур-нацир-пал и его сын Шалманесер получали дань от его царя, а когда он окончательно сдался войскам Саргона, то стал резиденцией ассирийского сатрапа. Торговля, протекавшая через него, продолжала вливать богатства в руки купцов, а "мане Кархемиш" оставался стандартом стоимости. Когда Египет вступил в последнюю борьбу за господство в Азии, решающая схватка произошла именно под стенами Кархемиша. Битва при Кархемише в 604 году до н. э. изгнала Нехо из Сирии и Палестины и отдала судьбы избранного народа в руки вавилонского царя. Возможно, что разрушение Кархемиша относится именно к этой битве. Но как бы то ни было, задолго до начала христианской эры он был вытеснен Мабогом или Мембием, а великое святилище, сделавшее его "святым городом", было перенесено к его сопернику и преемнику.

Как и Кархемиш, Кадеш на Оронте, самая южная столица хеттов, также был "святым городом". Изображения его сохранились на памятниках Рамсеса II. Из них мы узнаем, что он стоял на берегу Рогового озера, которое до сих пор называют "Кадешским озером", в том месте, где из озера вытекал Оронт. Река огибала город по двойному руслу, через которое был перекинут широкий мост, а пространство между двумя руслами, по-видимому, было занято стеной.

Кадеш, должно быть, был одним из последних завоеваний хеттов в Сирии, и его удержание было видимым признаком их господства над Западной Азией. Мы не знаем, когда они были вынуждены уступить это владение другим. Как уже отмечалось, правильное прочтение 2 Цар. ххiv. 6 сообщает нам, что северный предел царства Давида был образован "хеттами из Кадеша", "входом в Хамат", как это, по-видимому, называется в других местах. В эпоху Давида, соответственно, Кадеш, должно быть, еще находился в их руках, но уже перестал быть таковым, когда ассирийский царь Шалманесер III повел свои армии на запад. В ассирийских надписях нет никаких упоминаний о городе и его жителях, и мы можем предположить, что он был разрушен сирийцами из Дамаска. Как Мембий занял место Кархемиша, так Эмеса или Хомс занял место Кадеша.

Мы видели, что хетты были северной расой. Их первобытная родина, вероятно, находилась на северной стороне Тавра. О том, какими они были, мы можем узнать как из их собственных скульптур, так и из египетских памятников, которые удивительным образом сходятся в обрисовке их черт. Необычайное сходство между лицами хеттов, нарисованными египетскими художниками, и лицами, изображенными ими самими на своих барельефах и иероглифах, является убедительным доказательством верности египетских изображений, а также идентичности хеттов из египетских надписей с хеттами из Кархемиша и Каппадокии.

Надо признать, что они не были красивым народом. Они были низкорослыми и толстокожими, а передняя часть их лиц была выдвинута вперед любопытным и несколько отталкивающим образом. Лоб отступал назад, скулы были высокими, ноздри - большими, верхняя губа - выпяченной. Фактически, по мнению краниологов, они имели черты монголоидной расы. Как и у монголов, их кожа была желтой, а глаза и волосы - черными. Волосы они укладывали в виде "свиного хвостика", что характеризует их на собственных и египетских памятниках не меньше, чем их снегоступы с оттопыренными пальцами.

В Сирии они, несомненно, смешались с семитской расой, и чем дальше на юг они продвигались, тем больше вероятность того, что они впитаются в туземное население. Хетты

Южной Иудеи носят семитские имена и, вероятно, говорят на семитском языке. Кадеш до последнего сохранял свое семитское название, а среди хеттских имен, встречающихся дальше на север, есть несколько, которые несут на себе семитскую печать. В окрестностях Кархемиша хетты и арамеи смешались, а Петор был одновременно и хеттским, и арамейским городом. Короче говоря, хетты в Сирии повсюду были похожи на расу завоевателей; они составляли лишь правящий и высший класс, который становился все меньше и меньше, чем дальше они удалялись от своих первоначальных мест. Подобно норманнам на Сицилии или этрускам в древней Италии, они постепенно исчезали или вливались в состав подвластной расы. Только в своих первобытных домах они сохранились в своей первозданной силе и чистоте, и хотя даже в Каппадокии они утратили свои старые языки, приняв вместо них сначала арамейский, затем греческий и, наконец, турецкий, мы все еще можем наблюдать их черты и особенности в современных жителях Таврского хребта. Даже в некоторых районах Каппадокии до сих пор можно встретить их потомков. "Тип, - говорит сэр Чарльз Уилсон, - который нельзя назвать красивым, все еще встречается в некоторых частях Каппадокии, особенно среди людей, живущих в необычных подземных городах, которые я обнаружил под большой равниной к северо-западу от Нигдеха". Характеристики расы, приобретенные однажды, кажутся почти неизгладимыми; и вполне возможно, что при тщательных наблюдениях окажется, что древняя хеттская раса все еще сохранилась не только в восточной части Малой Азии, но даже в южных районах Палестины.

ГЛАВА VI.

РЕЛИГИЯ И ИСКУССТВО ХЕТТОВ.

Лукиан или какой-то другой греческий писатель, узурпировавший его имя, оставил нам подробный рассказ о великом храме Мабога, как он существовал во втором веке христианской эры. Мабог, как мы видели, был преемником Кархемиша; и мало оснований сомневаться, что языческий храм Мабога, со всеми обрядами и церемониями, которые в нем проводились, мало чем отличался от языческого храма более древнего Кархемиша.

По нашим сведениям, он стоял в самом центре "святого города". Он состоял из внешнего двора и внутреннего святилища, в котором также находилось Святое Святых, куда входили только первосвященник и те из его спутников, кто был "ближе к богам". Храм был возведен на искусственной насыпи или платформе высотой более двенадцати футов, а его стены и потолок внутри были блестящими от золота. Двери также были позолочены, но Святая Святых, или внутреннее святилище, не имело дверей, будучи отделено от остальной части здания, как и Святая Святых в иудейском храме, занавесом или завесой. По обе стороны от входа стояла конусообразная колонна большой высоты, символ богини плодородия, а во внешнем дворе - большой медный алтарь. Слева от него находилось изображение Семирамиды, а неподалеку - огромное "море" или "озеро", в котором водилась священная рыба. Во дворе храма держали быков, лошадей, орлов, медведей и львов, как священных для божеств, которым поклонялись в храме.

Войдя в храм, посетитель видел слева от себя трон бога Солнца, но не видел его изображения, поскольку только Солнце и Луна из всех богов не имели посвященных им изображений. Однако дальше стояли статуи различных божеств, в том числе и чудотворный образ бога, который, как считалось, мог произносить оракулы и пророчества. Временами, как говорили, изображение двигалось само по себе, и если жрецы сразу не поднимали его,

то оно начинало потеть. Когда жрецы брали его в руки, он вел их из одной части храма в другую, пока первосвященник, стоя перед ним, не задавал ему вопросы, на которые он отвечал, подгоняя своих носителей вперед. Главными объектами поклонения, однако, были золотые изображения двух божеств, которых Лукиан отождествляет с греческими Герой и Зевсом, между которыми стояла еще одна фигура, на голове которой покоился золотой голубь. Богиня, сиявшая драгоценными камнями, держала в руке скипетр, а на голове - ту башенную или фресковую корону, которая отличает богинь Богаз-Кеуи. Как и они, она опиралась на львов, а ее супруга несли быки. В нем мы можем узнать бога, который в Богаз-Кеуи выступает навстречу верховной хеттской богине.

В египетском тексте договора между Рамсесом и царем Кадеша верховный хеттский бог называется Сутех, а богиня - Антарата или, возможно, Астарата. Однако в более поздние времена богиня Кархемиша была известна как Атар-'Ати, которую греки превратили в Атаргатис и Деркету. Деркету по легенде была матерью Семирамиды, в которой греческая легенда видела ассирийскую царицу; но Семирамида на самом деле была богиней Истар, которую в Ханаане называли Ашторет, а у арамеев, среди которых был построен Кархемиш, - Атар или Атар. Таким образом, Деркету была лишь другой формой Семирамиды, или, скорее, другим именем, под которым была известна великая азиатская богиня. Голубь был для нее священным, и это объясняет, почему изображение голубя было помещено над головой третьего образа в божественной триаде Мабога.

Храм обслуживало множество жрецов. В день, когда его видел Лукиан, в жертвоприношениях участвовало более 300 человек. Жрецы были одеты в белые одежды и носили черепную коробку, которую мы находим изображенной на хеттских памятниках. Только верховный жрец носил на голове высокую диадему, которая, как свидетельствуют скульптуры, была прерогативой богов и царей. Среди жрецов выделялись галли или евнухи, которые в дни праздников отрезали себе руки и бичевали себя в честь своих божеств. Такие действия напоминают нам о жрецах Ваала, которые "резали себя по их примеру ножами и копьями, пока кровь не хлынула на них".

Дважды в год торжественная процессия отправлялась к небольшой расщелине в скале под храмом, куда, как утверждалось, устремились воды потопа, и в нее выливалась вода из моря. Именно на эту яму ссылается Мелито, христианский писатель из Сирии, когда говорит, что богиня Сими, дочь верховного бога Хадада, положила конец нападениям демона, наполнив морской водой яму, в которой он жил. Но во времена Лукиана демон считался потопом, и рассказ о потопе, переданный греческим писателем, настолько близко совпадает с тем, что мы читаем в Бытие, что становится ясно, что он был заимствован священниками Иераполя из еврейских писаний. Однако вполне вероятно, что сама традиция была гораздо древнее и первоначально была заимствована из Вавилонии. В любом случае, героя потопа звали Сиситес, что является модификацией имени халдейского Ноя, а майор Кондер обнаружил в непосредственной близости от Кадеша место, известное как "ковчег пророка Ноя", а рядом - источник Таннур или "Печь", из которого, по магометанскому поверью, хлынули воды потопа.

Но в Мабоге было много других праздников, кроме того, который отмечался в память об утихании потопа. Паломники стекались к нему со всех концов - из Аравии, Палестины, Каппадокии, Вавилонии и даже Индии. Им предписывалось пить только воду и спать на земле. Многочисленными и богатыми были подношения, которые они приносили в святилище, а прибыв туда, были призваны принести жертвы. Чаще всего жертвами становились козы и овцы, хотя приносили и быков. Единственным животным, плоть которого запрещалось приносить в жертву или употреблять в пищу, была свинья; как и у иудеев, она считалась нечистой. После посвящения во дворе храма животное обычно приводили в дом

жертвователя и там предавали смерти; иногда, однако, его убивали, бросая от входа в храм. Родители приносили в жертву даже детей, предварительно связав их в skóry и сказав, что они "не дети, а воны".

Об основании храма ходили разные истории. Некоторые утверждали, что Сиситес построил его после потопа на месте, где воды потопа были поглощены землей. Не исключено, что именно в эту легенду первоначально верили в Мабогe до того, как туда были перенесены традиции Кархемиша. Она, по-видимому, тесно связана с местными особенностями этого места. Другие легенды, несомненно, возникли в более древнем Иераполисе. Согласно одной из них, храм был основан Семирамидой в честь ее матери Деркетe, наполовину женщины, наполовину рыбы, для которой были священны рыбы в соседнем озере. По другой версии, основателем храма был Аттис, а богиней, которой он был посвящен, - божество, называемое греками Реей.

Однако Деркетe и Рея - это разные имена одного и того же божества, которое во Фригии было известно как Кибеле или Кибебе, и почиталось как "Великая мать". Ее изображения были покрыты грудью, чтобы символизировать, что она была матерью-землей, от которой человечество получало средства к существованию. Ее атрибуты были заимствованы у вавилонской Истар, ханаанской Ашторет; даже форма, придаваемая ей, была вавилонской Истар, как мы узнаем из барельефа, обнаруженного в Кархемише, где она представлена обнаженной, за исключением одной лишь высокой диадемы, с руками на груди и крылом, поднимающимся за каждым плечом. На самом деле, она была яркой иллюстрацией влияния, оказанного на хеттов, а через них и на народы Малой Азии вавилонской религией и культом. Даже в Лидии был найден камень, на котором высечено ее изображение в грубом художественном стиле, но схожее по форме с ее изображениями на барельефах Кархемиша и цилиндрах древней Халдеи.

Этот камень, как и сидящая фигура на горе Сипилос, является свидетельством того, что ее культ был перенесен на запад хеттскими войсками. Более поздняя традиция сохранила воспоминания об этом факте. Лидийский герой Кайстер, как говорят, отправился в Сирию и там взял Деркетe в невесты, а с другой стороны, именно лидиец Мопсос, как полагают, утопил богиню Деркетe в священном озере Ашкелона. Возможно, перед нами воспоминания о тех временах, когда лидийские воины ходили в поход на Египет под предводительством хеттских князей и узнавали имя и характер Атар-'Ати, богини Кархемиша.

Вавилонскую Истар сопровождал ее сын и жених Таммуз, юный бог Солнца, история о безвременной смерти которого произвела глубокое впечатление на народное сознание. Даже в Иерусалиме Иезекииль видел, как женщины оплакивали смерть Таммуза в стенах самого храма; а в финикийских городах каждый год несколько дней подряд с фанатичным рвением отмечали праздник его смерти и воскресения. В Сирии его называли Хададом и отождествляли с богом Риммоном, так что Захария (xii. 11) говорит о трауре по Хададу-Риммону в долине Мегиддо. В Иераполисе и Алеппо он также был известен как Хадад или Дади, а по всей Малой Азии его почитали под именем Аттис, "пастух ярких звезд". Миф, повествующий о его смерти, претерпел незначительные изменения у хеттов, а через них и у племен Малой Азии. Это, несомненно, тот юный бог, который на скалах Богаз-Кеуи появляется позади богини-матери, сидя, как и она, на спине пантеры или льва.

Жители Мабогa не забывали, что их храм был лишь преемником более древнего и что Кархемиш когда-то был "священным городом" Северной Сирии. Поэтому легенды, в которых говорилось об основании святилища, относились к ранее существовавшему, но давно пришедшему в упадок. Происхождение храма, который посетил Лукиан, приписывалось

некоей "Стратоникке, жене ассирийского царя". Но Стратоника - это всего лишь греческая трансформация семитского эпитета "Ашторет" и обозначает время, когда финикийская Ашторет заняла место более ранней Атар-'Ати. Странную легенду рассказывали о юноше Комбабосе, который был послан из Вавилона, чтобы принять участие в строительстве святилища. Комбабос был Таммузом под другим именем, так же как Стратоник - Истаром, и легенда интересна прежде всего тем, что свидетельствует о религиозном влиянии, которое вавилоняне когда-то оказывали на хеттов.

Семирамида может оказаться хеттским именем богини, которую арамеи, жившие в Иераполисе, называли Атар-'Ати. В этом случае трудность объяснения существования двух имен была бы решена в старых мифах путем превращения ее в дочь Деркетто. Но если Деркетто была богиней-рыбой, то Семирамида ассоциировалась с голубем, как и Ашторет или Афродита, которой поклонялись на Кипре. Символ голубя был перенесен на далекий Запад в ранний период. Среди предметов, найденных доктором Шлиманом в доисторических гробницах Микене, были фигурки из золотого листа, две из которых изображали обнаженную богиню с руками на груди и голубями над ней, а третья имела форму храма, на двух пинаклях которого сидели два голубя. Учитывая, насколько тесно доисторическое искусство Микен было связано с искусством Малой Азии, вряд ли стоит предполагать, что символ голубя проник через Эгейское море с помощью хеттов, и что в пинаклях храма Микен с двумя голубями мы можем увидеть изображение хеттского храма в Лидии или Каппадокии.

Легенды, рассказанные Лукианом об основании храма Мабога, сходятся в том, что он был посвящен богине. Священный город" находился под покровительством не мужского, а женского божества, что объясняет, почему его обслуживали жрецы-евнухи. Если там поклонялись Аттису или Хададу, то только по праву его матери; изображения других богов стояли в храме только по принуждению. Мужское божество, которое греческий автор отождествляет с Зевсом, должно было считаться допущенным по договору или браку к участию в воздаваемых ей почестях. Так же, должно быть, обстояли дела и в Богаз-Кеуи. Здесь также наиболее заметной фигурой в божественной процессии является богиня-мать, за которой следует ее сын Аттис, а бог, чье имя можно прочесть как Тар или Тарку, "царь", и который является Зевсом Лукиана, выходит ей навстречу.

В Киликии и Лидии этот последний бог, по-видимому, был известен как Сандан. На монетах его называют "Ваал из Тарсосу", и он несет в руке виноградную гроздь и стебель кукурузы. Его фигура выгравирована на скале Ибриз. Здесь на голове у него остроконечный хеттский колпак, украшенный роговыми лентами, а также короткая туника и сапоги с загнутыми концами. На запястьях у него браслеты, а из ушей свисают серьги.

Сандан отождествлялся с Солнцем, и поэтому случилось так, что когда в Киликии стал преобладать семитский язык, он превратился в верховного Ваала. Такое же превращение произошло за много веков до этого в хеттских городах Сирии. Помимо сирийской богини Кес, которая изображается стоящей на льве, как и великая богиня Кархемиша, египетские памятники рассказывают нам о Сутехе, который находится в таком же отношении к своим хеттским поклонникам, в каком семитский Ваал находился к населению Ханаана. Сутех был верховным богом хеттов, но в то же время он был локализован в каждом городе или государстве, в котором жили хетты. Так, был Сутех в Кархемише и Сутех в Кадеше, так же как был Ваал в Тире и Ваал в Тарсосу. Формы, в которых ему поклонялись, были самыми разнообразными, но везде это был один и тот же Сутех, один и тот же национальный бог.

Похоже, что после эпохи Рамзеса власть Сутеха стала ослабевать, и богиня начала узурпировать место, которое когда-то занимал бог. Возможно, это было связано с

вавилонским и ассирийским влиянием. Во всяком случае, если в договоре с Рамсесом во главе хеттских государств стоит Сутех, то в более поздние времена главный культ "священных городов" воздавался богине-матери. Его место занимала богиня как в Кархемише, так и в Мабоге, как в Богаз-Кеуи, так и в Комане.

В каппадокийском Комане богиня носила имя Ма. Ей служили 6000 жрецов и жриц, весь город был посвящен ее служению. Место царя занимал Абаклес, или верховный жрец. Мы видели, что скульптуры из Богаз-Кеуи дают нам основания полагать, что так было и в Птерии; мы знаем, что так было и в других "святых городах" Малой Азии. Во фригийском Пессине, где рядом с богиней стояли львы и пантеры, весь город был отдан ее поклонению под командованием главного галлоса или жреца; а на берегах Черного моря амазонские жрицы Кибелы, танцевавшие в доспехах в ее честь, по представлениям греков, составляли единственное население целой страны. В Эфесе, несмотря на греческую колонию, которая там обосновалась, поклонение богине-матери продолжало поглощать жизнь жителей, так что во времена святого Павла его еще можно было назвать городом, "поклоняющимся великой богине". Здесь, как и в Пессине, ей поклонялись в виде метеоритного камня, "упавшего с неба".

Мы можем рассматривать эти "священные города", расположенные под покровительством богини и полностью посвященные ее поклонению, как особый признак хеттской расы. Две их южные столицы, Кадеш и Кархемиш, были городами такого рода, а их крепость в Богаз-Кеуи, предположительно, также была освященным местом. Их продвижение по Малой Азии характеризовалось ростом городов-жрецов и появлением класса вооруженных жриц. Комана в Каппадокии и Эфес на берегу Эгейского моря - типичные примеры таких священных городов. Все население служило божеству, которому был посвящен город, святилище божества находилось в его центре, а главная власть принадлежала первосвященнику. Если рядом со жрецом и существовал царь, то со временем он занимал лишь подчиненное положение.

Эти "святые города" были также "асилами" или городами-убежищами. Убийца мог бежать в них и быть безопасным от своих преследователей. Находясь в пределах города и под защитой его божества, он не мог быть ранен или убит. Но не только человек, случайно убивший другого, мог таким образом попросить "убежища" от своих врагов. Должник и политический беженец были в равной безопасности. Несомненно, правом убежища часто злоупотребляли, и настоящие преступники пользовались правилами, призванными защитить несчастных в эпоху беззакония и мести. Но в целом институт работал хорошо, и, хотя он укреплял власть священства, он обуздывал несправедливость и сдерживал насилие.

Теперь институт городов-убежищ существовал не только в Малой Азии и в регионе, занятом хеттами. Он существовал и в Палестине, и не кажется маловероятным, что великий древнееврейский законодатель, действуя под божественным руководством, перенял его у более древнего населения страны. Еврейских городов-убежищ было шесть. Одним из них был Кадеш в Галилее, само название которого говорит о том, что он был "святым городом", как и Кадеш на Оронте, а другим - древнее святилище Хеврон, некогда занятое хеттами и аморреями. Сихем, третий город-убежище на западной стороне Иордана, был взят Иаковом "из руки Аморрея" (Быт. xlviii. 22); а остальные три города находились на восточной стороне Иордана, в регионе, который так долго удерживали аморрейские племена. Поэтому мы склонны задаться вопросом, не были ли эти города "асила" или городами-убежищами задолго до того, как Моисей получил от Бога повеление сделать их таковыми для израильских завоевателей Палестины.

С хеттской религией тесно связано хеттское искусство. Религия и искусство часто переплетались истории мира, и мы часто можем сделать вывод о религии народа по его искусству, как в случае со скульптурами Богаз Кеуи. Хеттское искусство было модификацией вавилонского и свидетельствует о том же вавилонском влиянии, как, например, поклонение "богине-матери". В обоих случаях предполагается одна и та же халдейская культура.

Но хотя искусство хеттов по своей сути было вавилонским, в руках хеттских художников оно претерпело глубокие изменения. Божества, действительно, были сделаны верхом на спинах животных, как на вавилонских цилиндрах, стены дворцов были украшены длинными рядами барельефов, как в Халдее и Ассирии, и была та же тенденция располагать животных лицом к лицу в геральдическом стиле; но все же мастерство и детали, внесенные в него, были чисто местными. Даже такой символ, как крылатый солнечный диск, приобретает в хеттской скульптуре особый характер, который невозможно перепутать. Хеттский художник преуспел в изображении животных форм, но лев, которого он, кажется, никогда не уставал создавать, обработан особым способом, который резко отличает его от скульптурных львов Вавилонии или любой другой страны. Так и в случае с человеческой фигурой, хотя общая концепция была заимствована из вавилонского искусства, она разработана в новой и оригинальной манере. Тот, кто однажды видел скульптурное изображение хеттского воина или хеттского бога, никогда не сможет спутать его с художественными произведениями другой расы. Фигура явно взята из повседневного опыта жизни самого скульптора. Платье с пиками, толстые округлые формы, странный выступающий профиль были скопированы с костюма и внешнего вида его соотечественников, и поразительное согласие, которое существует между его изображением их и тем, что мы находим на египетских памятниках, доказывает, насколько точно он должен был работать. Короче говоря, элементы вавилонского искусства присутствуют в искусстве хеттов, но обработка и отбор - его собственные.

Именно в выборе и сочетании этих элементов он наиболее ярко демонстрирует свою оригинальность. Монстры, наполовину человеческие, наполовину звериные, были известны вавилонянам, но хеттам оставалось придумать двуглавого орла или посадить человеческую голову на колонну львов. Так называемый веревочный узор встречается на вавилонских геммах один или два раза, но он стал отличительной чертой хеттского искусства, как и использование только голов животных, а не их целых форм.

Так и геральдическое расположение животных лицом к лицу, реже спиной к спине, впервые появилось в Халдее, но именно хетты возвели его в принцип искусства. Возможно, это объясняется их любовью к формам животных.

Влияние вавилонской культуры, возможно, впервые проявилось в эпоху восемнадцатой египетской династии, когда клинописные таблички Тель-эль-Амарны изображают хеттские племена спускающимися на юг, на сирийские равнины. С другой стороны, она может восходить к гораздо более ранней эпохе. В настоящее время у нас нет материалов для решения этого вопроса. Однако один факт очевиден: было время, когда хетты испытали глубокое влияние вавилонской цивилизации, религии и искусства. Прежде чем это произошло, они должны были уже обосноваться в Сирии.

Легче определить период, когда хеттский скульптор получил то вдохновение от египетского искусства, которое породило сфинксов Эюка и сидящее изображение на горе Сипилос. Это может быть только эпоха Рамзеса II и великих войн между Египтом и хеттскими князьями в четырнадцатом веке до нашей эры. Влияние Египта было кратковременным, но именно ему, по всей вероятности, хетты обязаны идеей иероглифического письма.

Гораздо позже вавилонское влияние было вытеснено ассирийским. Поздние скульптуры Кархемиша свидетельствуют о существовании ассирийских, а не вавилонских образцов. Крылатая фигура богини из Кархемиша, хранящаяся сейчас в Британском музее, является ассирийской по стилю и характеру, и не исключено, что другие задрапированные изображения богини происходят из того же источника. В вавилонском искусстве Истар была представлена обнаженной.

Как бы то ни было, профессор Перро ясно дал понять, что истоки хеттского искусства следует искать в Сирии, на южных склонах Тавра, откуда оно распространилось среди племен Каппадокии. Именно в Северной Сирии были найдены самые грубые и младенческие попытки. Скульпторы Эюка уже были продвинутыми в мастерстве.

Профессору Перро мы также обязаны открытием бронзовых фигурок хеттского производства. Их исполнение одновременно условно и варварски. Ничто не может превзойти грубость фигуры, хранящейся сейчас в Лувре, которая изображает бога с остроконечной тиарой, стоящего на спине животного. Хотя лицо бога, очевидно, смоделировано с тщательностью, невозможно сказать, к какому зоологическому виду должно принадлежать поддерживающее его животное. Почти так же далек от природы бронзовый образ быка, который также находится в Лувре.

Если рассматривать эти бронзовые изделия как высшее достижение хеттской металлургии, то не стоит сожалеть, что они немногочисленны. Но совсем иначе обстоит дело с гравированными геммами, которые, как мы теперь знаем, были хеттской работы. Многие из них чрезвычайно изящны; например, гематитовый цилиндр, обнаруженный в Каппадокии, не уступает лучшим произведениям вавилонского искусства. Геммы и цилиндры в большинстве своем предназначались для использования в качестве печатей, и некоторые из них снабжены ручками, вырезанными из камня, а сама печать имеет узоры на четырех, а иногда и на пяти гранях. Эти ручки, по-видимому, являются особенностью хеттского искусства или, по крайней мере, искусства, которое черпало свое вдохновение в искусстве хеттов. Другая особенность, заметная на многих геммах, заключается в том, что внутреннее поле гравированного рисунка окружено одним или несколькими концентрическими кругами, каждый из которых содержит сложную серию орнаментов или фигур, или даже символов, хотя символы обычно располагаются в центральном поле. Так, в Юзгате, в Каппадокии, были найдены два драгоценных камня, настолько похожих друг на друга, что они, должно быть, были работой одного и того же художника. На большей из них в центре выгравирована надпись, вокруг которой проходит круг, содержащий большое количество прекрасно выполненных фигур. Крылатый солнечный диск опирается на символ "царственности", по обе стороны от которого стоит на коленях фигура, наполовину человек, наполовину бык. Справа и слева - фигура стоящего жреца, за которым мы видим слева человека, поклоняющегося, кажется, пню дерева, а справа - дерево, две стрелы и колчан, корзину, голову оленя, и сидящее божество, над рукой которого - птица. Две группы разделены изображением сапога - символа, возможно, земли, - который, подобно крылатому солнечному диску, покоится на символе королевской власти. Меньшая печать имеет другую надпись в центре, окруженную двумя кольцами, одно из которых содержит ряд орнаментов, а другое - те же фигуры, что выгравированы на большей печати, за исключением того, что расположение фигур было изменено, и среди них появилось дерево. Любопытно, однако, что в Айдине, далеко на западной оконечности Малой Азии, была найдена гемма, содержащая центральную надпись, почти идентичную надписи на меньшей юзгатской печати, хотя фигуры, окружающие ее, не те же самые.

Эти круглые печати должны рассматриваться не только как характерные для хеттского искусства, но и как продукт хеттского изобретения. Мы не встречаем ничего похожего на них в Вавилонии или Ассирии.

Геммы можно проследить через Эгейское море до берегов Греции. Среди предметов, обнаруженных доктором Шлиманом в Микене, были два золотых кольца, на чатонах которых были выгравированы узоры в стиле, который мы сейчас можем назвать хеттским. На одном из них - два ряда голов животных, на другом - замысловатый рисунок, напоминающий нам о сложных узорах на геммах Малой Азии. На нем изображена женщина под деревом, стоящая перед двумя другими людьми, которые носят вздернутые сапоги и воланы, что мы находим в хеттских скульптурах, а фон заполнен головами животных.

Эти драгоценные камни - не единственное свидетельство того, что руины Микенæ распространяли хеттское влияние за пределы Малой Азии. Уже упоминались фигурки хеттской богини и голубей, которые покоились на пинаклях ее храма; еще одна фигурка из тонкого золота дает нам представление о хеттской богине, сидящей на скале Сипилоса, какой она предстала перед дождем и бурей, превратившими ее в "плачущую Ниобек". Однако, возможно, наиболее яркой иллюстрацией миграции хеттского влияния на запад являются знаменитые львы, которые стоят друг напротив друга, высеченные на камне, над большими воротами древнего пелопоннесского города. Львы Микена давно известны как древнейшее произведение скульптуры в Европе, но искусство, вдохновившее их, было хеттского происхождения. Похожий барельеф был обнаружен в Кюмбете, во Фригии, в непосредственной близости от хеттских памятников; и мы только что видели, что геральдическая поза, в которой изображены львы, была особенностью хеттского искусства.

Греческая традиция утверждала, что правители Микенеса пришли из Лидии, принеся с собой цивилизацию и сокровища Малой Азии. Эта традиция была подтверждена современными исследованиями. Если некоторые элементы доисторической культуры Греции, обнаруженные в Микенесе и других местах, были заимствованы из Египта и Финикии, то другие указывают на Малую Азию как на источник их происхождения. А культура Малой Азии была хеттской. Поэтому мистер Гладстон, возможно, прав, видя хеттов в кетийцах Гомера - того Гомера, который рассказывал о легендарной славе Микенеса и лидийской династии, владевшей им. Даже пряжка, с помощью которой доисторический грек застегивал свой плащ, как показал немецкий ученый, подразумевает такое расположение одежды, какое мы видим на хеттском памятнике Ибриз.

Поэтому для нас, живущих в современном мире, воскрешение хеттского народа из долгого сна забвения имеет двойной интерес. Они привлекают нас не только из-за влияния, которое они когда-то оказали на судьбы избранного народа, не только потому, что хеттея была женой Давида и прародительницей Христа, но и из-за долга, который цивилизация нашей собственной Европы имеет перед ними. Наша культура - это наследство, доставшееся нам от Древней Греции, а первые зачатки греческой культуры были получены от хеттских завоевателей Малой Азии. Хеттские воины, которые до сих пор охраняют Карабельский перевал на самом пороге Азии, являются символами того положения, которое занимала эта раса в образовании человечества. Хетты донесли отживший свой век цивилизации Вавилонии и Египта до самых дальних границ Азии и там передали их Западу в седой рассвет европейской истории. Но сами они так и не перешли эту границу; с завоеванием Лидии их миссия была завершена, дело, которое было им поручено, выполнено.

ИНСКРИПЦИЯ,
найденная в Кархемише (*ныне разрушенном*).

ГЛАВА VII.

НАДПИСИ.

Как можно восстановить историю исчезнувшего народа, спросите вы, кроме как с помощью записей, которые он оставил после себя? Как мы можем узнать что-либо о хеттах, пока не расшифруем их немногочисленные и фрагментарные надписи? Ответ на этот вопрос будет дан на предыдущих страницах. Хотя хеттские надписи все еще не расшифрованы, хотя их количество все еще очень мало, есть и другие материалы для реконструкции истории расы, и эти материалы теперь нашли своего интерпретатора. Скульптурные памятники, которые

оставили после себя хетты, печати, которые они выгравировали, города, которые они населяли, воспоминания о них, сохранившиеся в Ветхом Завете, клинописных табличках Ассирии и папирусах Египта, - все это позволяет заново выстроить картину могущественной империи, которая когда-то оказывала столь глубокое влияние на судьбы цивилизованного мира.

Но хеттские надписи не были совсем бесполезными. Они помогли связать воедино разрозненные памятники хеттского владычества и доказать, что особое искусство, которое они демонстрируют, имеет хеттское происхождение. Именно хеттские иероглифы, сопровождающие фигуру воина на перевале Карабель и сидящую богиню на горе Сипилос, доказали, что эти скульптуры имеют хеттское происхождение. Также именно надписи, содержащие хеттские иероглифы, позволили нам проследить марш хеттских армий по магистралям Малой Азии и убедиться, что в городе Хамат когда-то правили хеттские князья.

Хеттские тексты отличаются двумя особенностями. Составляющие их иероглифы, за редким исключением, вырезаны рельефно, а не врезаны, и строки читаются попеременно справа налево и слева направо. Направление, в котором смотрят иероглифы, определяет направление, в котором их следует читать. Этот чередующийся или *бустрофедонный* способ письма характерен и для ранних греческих надписей, а поскольку он не был принят ни финикийцами, ни египтянами, ни ассирийцами, возникает вопрос, не научились ли греки писать подобным образом у соседей, использовавших хеттское письмо.

Еще одной особенностью хеттского письма является частое использование голов животных и людей. Очень редко рисуется все тело животного; считалось, что достаточно одной головы. Эта особенность сама по себе должна была бы отличать хеттские иероглифы от египетских.

Но достаточно беглого осмотра иероглифов, чтобы понять, что хетты не могли позаимствовать их у египтян. Эти две формы письма совершенно и полностью отличаются друг от друга. Два наиболее распространенных хеттских иероглифа представляют собой снежный сапог и перчатку без пальцев, которые, как мы видели, указывают на северное происхождение хеттских племен, а идеограмма, обозначающая "страну", представляет собой изображение горных вершин Каппадокийского плоскогорья. Поэтому кажется, что система письма была изобретена в Каппадокии, а не в южных регионах Сирии или Ханаана.

Однако можно предположить, что изобретение произошло после контакта хеттов с Египтом и их последующего знакомства с египетской формой письма. Подобные случаи происходили и в наше время. Индеец племени чероки в Северной Америке, увидевший книги белого человека, был вынужден разработать сложный способ письма для своих соплеменников, а любопытная слоговая таблица, придуманная одним из представителей племени вей для негров, возникла таким же образом. Также мы можем предположить, что вид иероглифов Египта и знание того, что с их помощью можно передавать мысли, натолкнули какого-то хеттского гения на мысль изобрести аналогичное средство общения для своего народа.

Во всяком случае, совершенно ясно, что хеттские иероглифы используются так же, как и египетские, иногда в качестве идеограмм для выражения идей, иногда фонетически для представления слогов и звуков, иногда как детерминативы для обозначения класса, к которому принадлежит слово, к которому они прикреплены. Более того, вероятно, что слово или звук часто выражались путем умножения иероглифов, которые выражали его целиком или частично, как это было в египетской письменности в эпоху Рамсеса II. В то же время количество отдельных иероглифов, используемых хеттами, было гораздо меньше, чем у

египетских писцов. На сегодняшний день известно не более 200, хотя почти каждая новая надпись пополняет этот список.

Самым древним письменным материалом хеттов были их металлические пластины, на поверхности которых иероглифы выбивались сзади. Хеттская копия договора с Рамсесом II. была выгравирована таким образом на пластине из серебра, в центре которой было изображение бога Сутеха, обнимающего хеттского царя, и короткая линия иероглифов, идущая вокруг него. Этот центральный орнамент, окруженный круговой полосой фигур, соответствовал обычному стилю хеттского искусства. Египетские памятники показывают нам, какой была серебряная пластина. Она была прямоугольной формы, с кольцом в верхней части, за которое ее можно было подвешивать к стене. Если когда-нибудь будет обнаружена гробница Ур-Маа Ноферу-Ра, хеттской жены Рамзеса, возможно, среди ее содержимого найдется хеттская копия знаменитого договора.

В любом случае, очевидно, что уже в этот период хетты были литературным народом. В египетских записях упоминается некий Хилип-сира, чье имя соединяется с именем Хилип или Алеппо, и описывается как "писатель книг гнусной Кхеты". Как и египетского фараона, хеттского монарха сопровождали на битву его писцы. Если Кирьят-Сефер или "Книжный город" в окрестностях Хеврона был хеттского происхождения, то хетты, как и ассирийцы, должны были обладать библиотеками, которые, возможно, еще удастся раскопать. Кирьят-Сефер также назывался Дебир, "святылище", и мы можем заключить, что библиотека хранилась в его главном храме, как и в библиотеках Вавилонии. Еще один Дебир или Дапур находился дальше к северу, в окрестностях Кадеша на Оронте, о котором упоминается в египетских надписях; поскольку он находился в земле амореев, а Кирьят-Сефер также описывается как аморейский город, вполне возможно, что и здесь еще можно найти реликвии древней библиотеки. Не стоит забывать, что во времена Деборы "из Завулона", расположенного к северу от Мегиддо, пришли "те, кто владеет пером писателя" (Суд. ст. 14).

Надписи, недавно обнаруженные в Тель-эль-Амарне в Египте, показали, что за столетие до Исхода общим средством литературного общения в Западной Азии был язык и клинопись Вавилонии. Впоследствии хетты проложили себе путь на юг, принеся с собой свою особую систему иероглифического письма. Но клинописные знаки по-прежнему продолжали использоваться в хеттском регионе мира. В Кайсарье были приобретены клинописные таблички из какой-то старой библиотеки Каппадокии, местонахождение которой до сих пор неизвестно, а доктор Хуманн недавно обнаружил длинную клинописную надпись среди хеттских скульптур Синджирли в древнем Комагене. Если хеттские тексты когда-нибудь будут расшифрованы, то, вероятно, с помощью клинописи.

Начало уже положено. Не прошло и месяца после прочтения моей статьи в Обществе библейской археологии, в которой сообщалось об открытии хеттской империи и связи диковинного искусства Малой Азии с искусством Кархемиша, как мне попала двузычная надпись на хеттском и клинописном языках. Она была сделана на серебряном боссе царя Таркондемоса - единственном пока найденном ключе к интерпретации хеттских текстов.

ДВУЯЗЫЧНЫЙ

БОСС ТАРКОНДЕМОСА.

История этого босса очень странная. Много лет назад он был приобретен в Смирне известным константинопольским нумизматом М. Александром Йовановым, который показал его востоковеду д-ру А. Д. Мордтманну. Доктор Мордтманн сделал с нее копию и обнаружил, что она представляет собой круглую серебряную пластину, вероятно, головку кинжала или кортика, по ободку которой шла клинописная надпись. Внутри, занимая центральное поле, была изображена фигура воина в новом и неизвестном художественном стиле. Он стоял прямо, держа в правой руке копье, а левую прижимая к груди. Он был одет в тунику, поверх которой был наброшен плащ с бахромой, на голове - шапка, на ногах - сапоги с загнутыми концами, верхняя часть ног была обнажена, а на поясе был закреплен кортик. По обе стороны от фигуры располагался ряд "символов", причем на каждой стороне они были одинаковыми, за исключением того, что на правой стороне верхние "символы" были меньше, а нижние - больше, чем соответствующие на левой стороне.

В статье, опубликованной несколько лет спустя о клинописных надписях Вана, доктор Мордтманн упомянул об этом боссе, и именно его описание фигуры в его центре привлекло мое внимание. Я сразу же понял, что фигура должна быть выполнена в том стиле искусства, который я только что определил как хеттский, и догадался, что сопровождающие ее "символы" окажутся хеттскими иероглифами. Доктор Мордтманн заявил, что он дал копию босса в 1862 году в "Нумизматическом журнале, который выходит в Ганновере". После долгих

и хлопотных поисков я выяснил, что издание, которое он имел в виду, вовсе не было журналом и вышло в Лейпциге, а не в Ганновере, в 1863, а не в 1862 году. Содержащаяся в нем копия босса показала, что я был прав, считая "символы" доктора Мордтманна хеттскими иероглифами.

Теперь необходимо было узнать, насколько верна копия, и выяснить, сохранился ли оригинал. Вскоре пришел ответ из Британского музея. Босс был однажды предложен музею для продажи, но был отвергнут, так как ничего подобного ранее не встречалось, и поэтому его заподозрили в подделке. Однако до отказа с него была сделана электротипия, оттиск с которой был отправлен мне.

Вскоре после этого пришло еще одно сообщение от М. Франсуа Ленормана, одного из самых образованных и блестящих востоковедов нашего века. Он видел оригинал в Константинополе около двадцати лет назад и там же сделал с него слепок, который и переслал мне. Слепок и электротип точно совпали.

Таким образом, можно было не сомневаться, что перед нами если не сам оригинал, то его идеальное факсимиле. Важность этого факта вскоре стала очевидной, поскольку оригинал босса исчез после смерти М. Йованова, и, несмотря на все поиски, никаких следов его обнаружить не удалось. Возможно, в будущем он будет найден на константинопольских базарах или в каком-нибудь частном доме в Санкт-Петербурге; в настоящее время нет никакой зацепки, чтобы узнать его настоящего владельца.

Чтение клинописной легенды не представляет особых трудностей. Она дает нам имя и титул царя, чья фигура выгравирована на ней - "Тарку-Димме, царь страны Эрме".

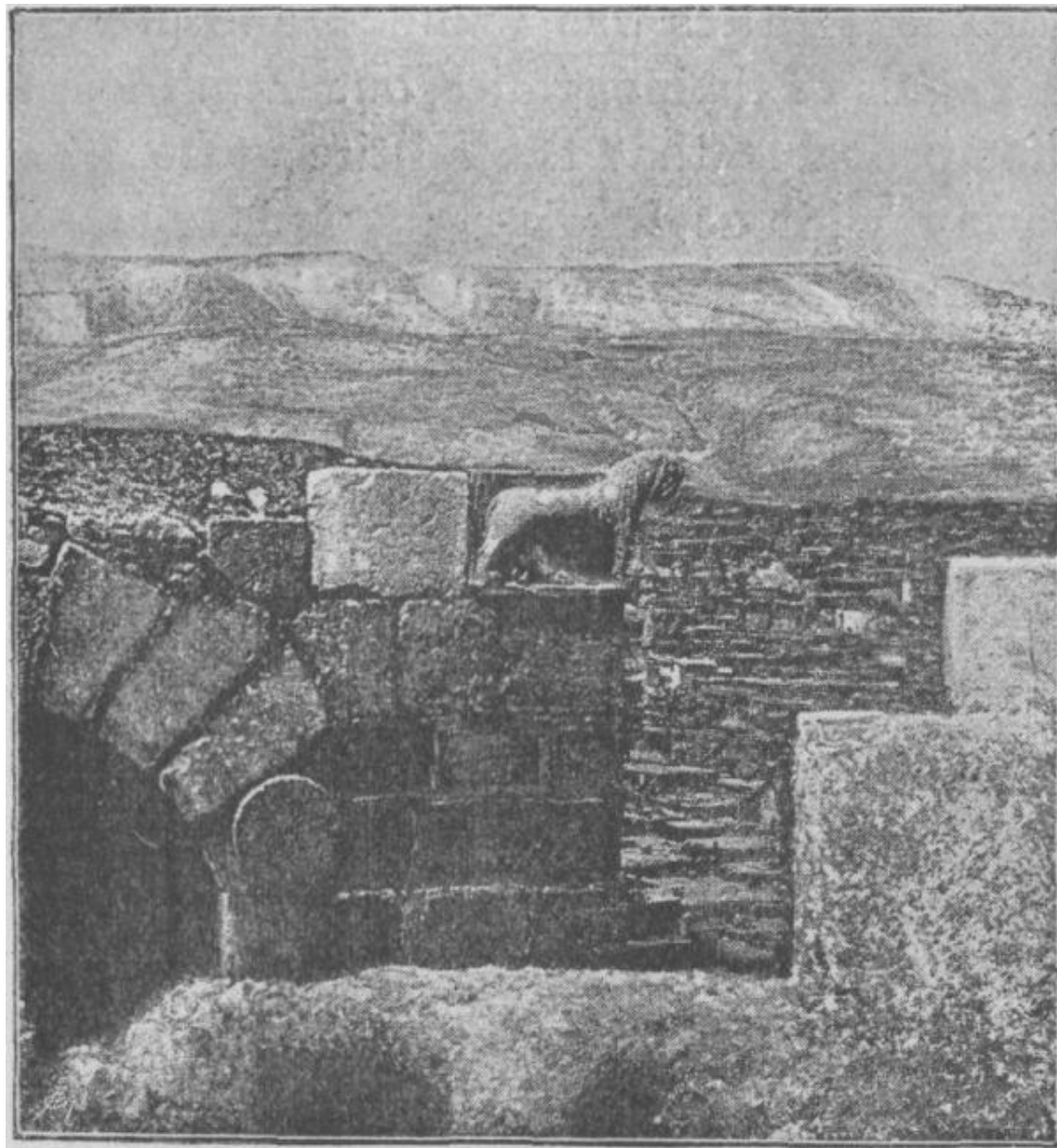
Имя Тарку-Димме, очевидно, то же самое, что и имя киликийского принца Таркондома или Таркон-Димотоса, который жил во времена нашего Господа. Это имя встречается и в других частях Малой Азии под формами Таркондас и Таркондиматос; мы можем считать, что оно имеет ярко выраженный хеттский тип. Где находился район, которым правил Тарку-димме, мы можем только догадываться. Возможно, это был горный хребет, называемый классиками Арима, который лежал недалеко от хеттских памятников Булгар-дага. В этом случае Таркондемос был бы киликийским царем.

Дважды повторенная хеттская версия клинописной легенды стала предметом многочисленных дискуссий. Расположение знаков на сайте, обусловленное скорее необходимостью заполнить свободное пространство на боссе, чем требованиями естественного порядка, допускало более одного их толкования. Но есть два факта, которые дают ключ к их истинному прочтению. С одной стороны, надпись разделена на две половины двумя символами, форма и расположение которых в других хеттских текстах означают "царь" и "страна"; с другой стороны, первые два символа как бы исходят из уст царя и таким образом выражают его имя. Таким образом, мы получаем чтение: "Тарку-Димме, царь страны Эр-Ме", слоги *"тарку"* и *"ме"* обозначены головой козла и цифрой "четыре", а идеограммы "царь" и "страна" представлены царской диадемой, которую носят боги и монархи в хеттских скульптурах, и изображением горной страны. В идеограмме "страна" Мордтманн уже видел подобие валов скал, которые поднимаются с Каппадокийского плато.

Таким образом, двуязычный начальник предоставляет нам две важные идеограммы и фонетические значения еще четырех знаков. Вооружившись ими, мы можем приступить к другим текстам и кое-что узнать о них. Становится ясно, что надписи из Кархемиша, хранящиеся сейчас в Британском музее, - это памятники царя, чье имя заканчивается на -ме-Тарку, и который записывает имена своего отца и деда. Деду принадлежала надпись,

скопированная г-ном Боскауэном среди руин Кархемиша, но, к сожалению, так и не привезенная в Англию и, вероятно, давно уничтоженная.

На льве Мераша, кроме того, царь, подобный, записывает свое имя вместе с именами двух своих ближайших предков. В Хамате встречается имя того же царя, что и у отца государя, упомянутого в других надписях, происходящих оттуда, и мы можем сделать вывод, что памятники Хамата - это память о комагенском монархе, который пронес свое победоносное оружие так далеко на юг. Несомненно, придет время, когда мы сможем без труда прочитать эти загадочные символы, и тогда мы узнаем, верны ли наши выводы.

ЛЕВ МЕРАША.

А пока мы должны довольствоваться ожиданием открытия еще одного двуязычного текста. Легенда на боссе Таркондекмоса недостаточно длинна, чтобы провести нас далеко по лабиринтам хеттской дешифровки; прежде чем можно будет добиться значительного прогресса, она должна быть дополнена другой надписью того же рода. Но тот факт, что была найдена одна двуязычная надпись, свидетельствует о том, что существовали и другие двуязычные надписи, которые еще могут быть обнаружены. Мы можем жить в уверенном ожидании, что немые камни еще научатся говорить, и мы узнаем, как была основана и сохранилась империя хеттов, не из летописей их врагов, а из их собственных уст.

Маловероятно, что хеттская система письма ушла в прошлое, не оставив после себя своего влияния. Как культура и искусство, которые хетты несли варварским народам Малой Азии, прижились среди них и принесли обильные плоды, так и мы можем полагать, что знание хеттской письменности не исчезло окончательно. Есть основания полагать, что любопытная слоговая азбука, которая продолжала использоваться на Кипре вплоть до эпохи Александра Великого, была заимствована из хеттских иероглифов. Он был совершенно непригоден для выражения звуков греческого языка, как это требовалось на Кипре, и было показано, что он был лишь ответвлением слоговой азбуки, которая когда-то использовалась в значительной части Малой Азии, той самой страны, в которой хетты выгравировали свои собственные письменные памятники. Поэтому представляется вероятным, что хеттские иероглифы превратились в слоговую азбуку, в которой каждый знак представлял отдельный слог, и сохранились в таком виде до глубокой древности.

Возможно также, что на названия, присвоенные буквам даже финикийского алфавита, повлияли иероглифы хеттов. Когда финикийцы заимствовали буквы египетского алфавита, они дали им названия, начинающиеся на их собственном языке со звука, обозначаемого каждой буквой. *А* называлась *алеф*, потому что финикийское слово *aleph* - "бык" начиналось с этого звука, *к* - *каф* - "рука", потому что *каф* в финикийском начиналось с *к*. Это было лишь раннее применение того же принципа, который заставил наших предков поверить, что ребенок быстрее выучит алфавит, если его научить, что "А был лучником, который стрелял в лягушку".

Но названия должны были присваиваться буквам не только потому, что они начинались с соответствующих звуков, но и из-за их воображаемого сходства с предметами, обозначаемыми этими названиями. В некоторых случаях сходство отнюдь не очевидно. Например, самые ранние формы букв *каф* и *юд*, оба из которых означают "рука", имеют мало сходства с человеческой рукой. Однако если мы обратимся к хеттским иероглифам, то обнаружим среди них два изображения руки, заключенной в длинную хеттскую перчатку, которые по форме почти идентичны финикийским буквам. Поэтому трудно отказаться от убеждения, что буквы *каф* и *юд* получили свои названия от сирийцев, которые были знакомы с внешним видом хеттских иероглифов. То же самое можно сказать и об *алефе*. И здесь старая финикийская буква ничуть не напоминает быка, но очень похожа на голову быка, которая занимает видное место в хеттских текстах. *Алеф* превратился в греческую *альфу*, когда финикийский алфавит был передан грекам, и в слове *алфавит* стал частью нашего собственного наследия. Подобно *йоду*, который через греческую *йоту* перешел в английскую *йоту*, возможно, что в нашем обиходе до сих пор есть слова, которые можно отнести если не к хеттскому языку, то уж во всяком случае к хеттской письменности.

Каким был язык хеттов, нам еще предстоит узнать. Но имена собственные, сохранившиеся на египетских и ассирийских памятниках, показывают, что он не принадлежал к семитской семье речи, а анализ хеттских надписей позволяет сделать вывод о том, что в нем широко использовались суффиксы. Но мы должны быть начеку, не полагая, что язык был единообразен на всей территории, где проживало хеттское население. Разные племена, несомненно, говорили на разных диалектах, и некоторые из этих диалектов, вероятно, сильно отличались друг от друга. Но все они принадлежали к одному общему типу и классу языков, и поэтому их можно назвать общим хеттским языком, так же как различные диалекты Англии называют общим английским. Действительно, если доверять именам собственным, записанным в ассирийских надписях, мы находим тот же тип языка далеко на восток от Каппадокии. Имена с ярко выраженным хеттским оттенком встречаются вплоть до границ древнего царства Арарат, и не исключено, что язык самого Арарата, так называемый

ванский, может принадлежать к той же семье речи. Поскольку клинописные надписи, в которых запечатлен этот язык, уже расшифрованы, мы сможем определить этот вопрос, как только хеттские тексты также раскроют свои тайны.

На юге Палестины хетты, должно быть, утратили свой старый язык и перешли на язык своих семитских соседей в ранний период. В Северной Сирии изменения происходили дольше. Последний царь Кархемиша носит несемитское имя, но в Алеппо поклонялись семитскому богу, а Кадеш на Оронте оставался семитским святилищем. Хеттская оккупация Хамата, по-видимому, продолжалась недолго. Его царь, который на ассирийских памятниках фигурирует как современник Ахава, носит семитское имя Ирхулена, "бог луны принадлежит нам"; его преемники также были семитского происхождения. Более сомнительно, что Ту или Той, чей сын пришел к Давиду с предложением союза, носил имя, которое можно объяснить из семитского лексикона.

Однако в горах Тавра хеттские диалекты умирали медленно. Во времена святого Павла жители Листры все еще говорили на "речи Ликаонии", хотя официальным языком Каппадокии уже давно стал арамейский. Но арамейский был вытеснен греческим, и до падения Римской империи греческий был общим языком всей Малой Азии. В свою очередь, в наше время греческий был вытеснен турецким.

Языки, однако, могут меняться и исчезать, но расы, говорившие на них, остаются. Расовые характеристики, однажды приобретенные, медленно меняются. Хотя последние отголоски хеттской речи угасли много веков назад, хеттская раса все еще населяет регион, откуда в древние времена она изливалась на города юга. Мы все еще можем видеть в нем все черты воинов Карабела или скульптурных принцев Кархемиша; даже снегоступы и перчатки без пальцев все еще носят на холодных возвышенностях Каппадокии.

ГЛАВА VIII.

ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ХЕТТОВ.

Хетты блистали как в мирном, так и в военном искусстве. Сам факт изобретения ими системы письма говорит об их интеллектуальных способностях. Среди человечества лишь немногим дано было придумать средства передачи своих мыслей иначе, чем с помощью слов; большинство народов мира довольствовались тем, что заимствовали у других не только используемые ими письменные знаки, но даже саму концепцию письма.

Из руин Богаз Кеуи и Эюка мы знаем, что хетты не были плохими архитекторами. Они досконально изучили искусство фортификации; большой ров за стенами Богаз Кеуи с бортами из скользкого камня - шедевр в этом отношении, как и укрепленные цитадели внутри города, в которые осажденные могли отступить, когда внешняя стена была захвачена. Хорошо обработанные блоки и скульптурные плиты, из которых были построены их дворцы, доказывают, насколько хорошо они владели искусством добычи и обработки камня. Шахты Булгарского дага - не менее яркое свидетельство их мастерства в горном деле и металлургии.

Металлургическая слава халибов, граничивших с территорией хеттов и, возможно, принадлежавших к той же расе, распространилась по всему греческому миру. Им принадлежит репутация первых открывателей способа закалки железа в сталь. Именно от них, во всяком случае, греки переняли это искусство.

Серебро и медь, судя по свидетельствам египетских и ассирийских памятников, были наиболее востребованными металлами, хотя золото и железо также фигурировали среди предметов, которые хетты предлагали в качестве дани. Из золота и меди делали кубки и изображения животных, а медь превращали в бронзу, смешивая с оловом. Откуда было получено олово, нам еще предстоит узнать.

Серебро и железо одинаково использовались в качестве средства обмена. Ассирийский царь получил из Кархемиша 250 талантов железа; а раскопки д-ра Шлимана среди руин Трои дали доказательства того, что серебро также использовалось хеттами вместо денег, и что его использование для этой цели было передано ими самым отдаленным народам западной части Малой Азии.

В так называемом "сокровище Приама", обнаруженном среди кальцинированных руин Гиссарлыка или Трои, находятся шесть похожих на лезвия слитков серебра, около семи или восьми дюймов в длину и двух в ширину. Мистер Барклай Хэд указал, что каждый из этих слитков весит третью часть вавилонского мане или мины, и, кроме того, именно этот мане, равный 8656 зернам Трои, когда-то использовался по всей Малой Азии для взвешивания слитков серебра. Он отличался от стандарта веса и стоимости, который использовался в Финикии, Ассирии и самой Малой Азии в позднюю греческую эпоху. Но он соответствовал "мане Кархемиша", упомянутому в ассирийских договорных табличках, который продолжал сохранять свое значение даже после завоевания Кархемиша Саргоном. Мане Кархемиш, правда, изначально был заимствован из Вавилонии, как и большинство элементов хеттской культуры, но он настолько прочно обосновался в хеттской столице, что стал называться по ее имени. Ничто не может яснее этого показать, какое ведущее положение занимали хетты в целом и город Кархемиш в частности в области торговли и промышленности.

Кархемиш был фактически центром сухопутной торговли в Западной Азии. Через него проходила магистраль, по которой продукты Финикии и Запада попадали к цивилизованному населению Ассирии и Вавилона. Именно поэтому его владение было столь желанным для ассирийских царей. Его захват обеспечил Саргону господство над средиземноморским побережьем и передачу в ассирийские руки торговли и богатства, которые стекались к хеттским князьям.

Ассур-нацир-пал упоминает роскошную мебель, которой они баловались. Подобно роскошным монархам Израиля, они возлежали на диванах, инкрустированных слоновой костью, изобретателями которых, возможно, были они сами. Во всяком случае, Тиглат-Пилесер I все еще охотился на слонов в окрестностях Кархемиша, как и Тотмес III четырьмя веками ранее, а слоновьи бивни были в числе дани, которую хетты платили ассирийским царям. Возможно, исчезновение слона в этой части Азии произошло по вине хеттских охотников.

Диваны из слоновой кости в Кархемише, однако, не использовались во время трапез, как это было бы в Ассирии или у греков и римлян более позднего времени. Как и египтяне, хетты во время еды сидели, и их стулья были снабжены спинками, а также любопытными -образными подставками для ног. Еду ставили на низкие столы со скрещенными ногами, которые по форме напоминали походный табурет.

Иногда, как мы можем судить по барельефу в Мераше, они развлекались на пирах звуками музыки. На памятниках изображено несколько видов музыкальных инструментов, среди которых можно выделить лиру, трубу и что-то вроде гитары. Очевидно, что они любили музыку и культивировали это искусство, как подобает людям, которым богатство давало досуг. Любопытное свидетельство той же беззаботности можно найти в скульптуре в Эюке,

где служитель изображен несущим на плечах обезьяну. Только те, кто наслаждался тишиной мирной и богатой жизни, могли удовлетворить свой вкус к животным, о котором свидетельствуют памятники, импортируя такое животное, как обезьяна, с далекого юга. Хетты, несомненно, были воинственным народом, когда они впервые опустились на равнины Сирии, но вскоре они начали культивировать мирные искусства и стали одним из великих меркантильных народов древнего мира.

Из Книги Царств мы узнаем, что лошади и колесницы экспортировались из Египта для хеттских князей, а израильтяне выступали в качестве посредников в торговле. Но они также должны были получать лошадей с севера и, возможно, разводить их для себя. Пророк Иезекииль говорит нам (xxvii. 14), что "они из Тогармы торговали" на ярмарках Тира "лошадьми, всадниками и мулами", а Тогарму отождествляют с Тул-Гаримми из ассирийских надписей, который находился в Комагене. В войнах между Египтом и Кадешем часть хеттской армии сражалась на колесницах, каждая из которых была запряжена двумя лошадьми и вмещала иногда двух, иногда трех человек. Колесницы были легкими и опирались на два колеса, обычно оснащенные шестью спицами.

Армия была хорошо дисциплинирована и хорошо организована. Ее ядро составляли коренные хетты, которые занимали центр и опасные посты. Вокруг них расположились их союзники и наемники под командованием специальных генералов. Туземная пехота и конница также подчинялись отдельным военачальникам, но всем войском руководил единый главнокомандующий.

Нам еще предстоит познакомиться с деталями их внутренней архитектуры. План их дворцов был получен в Богаз-Кеуи и Эюке, в Кархемише и Синджирли, и мы знаем, что они были построены вокруг центрального двора четырехугольной формы. Мы также знаем, что вход во дворец, подобно входу в египетский храм, с обеих сторон был обрамлен массивными каменными блоками, а к нему подходила аллея из скульптурных плит. Кроме того, мы узнали, что дворец был возведен на возвышенных террасах или курганах; но помимо этого нам мало что известно, кроме того, что в нем использовался столб без основания, который был первоначально заимствован из Вавилонии, примитивной родины колонной архитектуры.

О хеттской одежде мы имеем более полную информацию. Помимо снегоступов или мокасин, которые помогли идентифицировать их монументальные останки, мы обнаружили, что хетты носили на голове два вида покрытий: один - плотно прилегающую черепную коробку, другой - высокую диадему, обычно остроконечную, но иногда округлую в верхней части или украшенную, как в Ибризе, роговыми лентами. Остроконечная диадема украшалась перпендикулярными линиями вышивки. В Богаз-Кеуи у богинь есть так называемая настенная корона, напоминающая крепостную стену города.

Одежды женщин спускались до самых ног. Так же выглядела одежда жрецов с длинными рукавами, но остальные мужчины носили тунику, оставлявшую голыми колени и застегивавшуюся на талии поясом. Поверх нее набрасывался плащ, который при ходьбе оставлял одну ногу открытой. В пояс был засунут короткий кортик; из оружия носили копье и лук, который перевешивали за спину. Двуглавый боевой топор также был типично хеттским оружием и был перенесен ими на побережье Эгейского моря, где в греческую эпоху он стал символом карийского Зевса и острова Тенедос. Все это оружие было из бронзы или, возможно, из железа; но есть свидетельства, что хеттские племена когда-то довольствовались инструментами и оружием из камня. Недалеко от Арпада мистер Боскауэн приобрел большой и красивый топор из полированного зеленого камня, который, однако, никогда не мог быть предназначен для реального использования. На самом деле это было

жертвенное оружие, сохранившееся в служении богам с тех времен, когда обработка металла еще не была известна. Как и другие уцелевшие предметы религиозного культа, оно свидетельствовало о давно ушедшем в прошлое социальном состоянии. Небольшой топор, также из полированного зеленого камня, был получен мной из окрестностей Эфеса и по форме очень напоминает топор Арпада. Важность этого факта становится очевидной, когда мы сравниваем другие многочисленные орудия из полированного камня, найденные в западной части Малой Азии, которые имеют совершенно другую форму. Это позволяет сделать вывод, что и Арпад, и Эфес были очагами хеттского влияния, и что в обоих случаях одна и та же форма каменного орудия - пережиток более раннего века камня - была посвящена служению богам.

Платья из ткани и льна, в которые одевались хетты, окрашивались в разные цвета, украшались бахромой и богатыми узорами. Платье жреца из Ибриза особенно достойно изучения. Среди узоров, которыми она украшена, - тот же квадратный орнамент, что встречается на гробнице фригийского царя Мидаса, и любопытный символ, обычно известный как "свастика", который стал так известен после раскопок генерала ди Чеснола на Кипре и доктора Шлимана в Трое. Этот символ многократно повторяется на доисторической керамике Кипра и Троянской равнины, но ни в Египте, ни в Ассирии, ни в Вавилонии его следов пока не обнаружено. Среди останков цивилизованных народов древнего Востока только наскальная скульптура Ибриза изображает его на одеянии ликаонского жреца. Было ли это изобретение хеттов, переданное ими грубым племенам Малой Азии вместе с другими элементами культурной жизни, или же оно имело варварское происхождение, перенятое хеттами у более раннего населения Запада?

Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны знать гораздо больше, чем знаем сейчас, об этой давно забытой, но удивительной расе, восстановление которой в истории стало одним из самых любопытных открытий нашего века. Когда места старых хеттских городов будут тщательно исследованы, когда памятники, которые они оставили после себя, будут раскопаны, а надписи расшифрованы и прочитаны, мы, несомненно, узнаем ответы на этот и многие другие вопросы, которые сейчас требуют решения. А пока мы должны довольствоваться тем, что уже достигнуто. Свет был брошен на темную страницу истории Западной Азии, а вместе с ней и на священную летопись Ветхого Завета, и на передний план современного знания выдвинулся народ, оказавший глубокое влияние на судьбы Израиля, хотя до сих пор он был для нас не более чем именем. В тот самый момент, когда каждое слово Писания подвергается тщательному изучению, то друзьями, то врагами, мы узнали, что утверждение, которое когда-то должно было опровергнуть авторитет священного повествования, является лучшим свидетельством его истинности. Друзья Авраама, союзники Давида, мать Соломона - все они принадлежали к роду, оставившему неизгладимый след в истории мира, хотя по Божьей мудрости нашему поколению было отведено открыть и проследить его.

СПИСОК ССЫЛОК НА СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ.

ГЕНЕЗИС.

xiv. 7	14, 17
xiv. 13	14
xxiii.	13
xxvi. 34	13
xxxvi. 2	13
xlvi. 22	14, 114

ЧИСЛА.

xiii. 29	14
xiii. 33	16

ДЕЙТЕРОНОМИЯ.

i. 19, 20	14
-----------	----

ИОШУА.

x. 5	15
xi. 22	16

СУДЬИ.

i. 26	12
iii. 8	20
v. 14	126

2 САМУИЛ.

viii. 3, 9, 10	44
x. 16	44
xxi. 15-22	16
xxiv. 6	12, 101

1 ЦАР.

x. 28, 29	12
-----------	----

2 ЦАРСТВ.

vii. 6	11
--------	----

ЕЗЕКИЛЬ.

xvi. 3, 45	13
xxvii. 14	139

ЗЕХАРИЯ.

xii. 11	109
---------	-----

ПУТИ ПОЗНАНИЯ БИБЛИИ,

ОПУБЛИКОВАННЫЕ

Религиозным трактатным обществом.

"Тома, которые Комитет Общества религиозного трактата выпускает под вышеупомянутым названием, полностью заслуживают успеха. Большинство из них были доверены ученым, которые имеют особое знакомство с предметами, о которых они отдельно рассказывают." - *The Athenæum*.

1. ИГЛА КЛЕОПАТРЫ. История Лондонского обелиска с объяснением иероглифов. Преподобный Дж. Кинг, лектор Фонда исследования Палестины. С иллюстрациями. Crown 8vo., 2s. 6 д., тканевый переплет.

"Рассказ мистера Кинга о памятнике представляется достаточно полным и удовлетворительным" - *Saturday Review*.

"Во всех отношениях интересно написано." - *Literary Churchman*.

2. СВЕЖИЙ СВЕТ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ. А. Х. Сейс, доктор философии, заместитель профессора сравнительной филологии в Оксфорде и т. д. Очерк наиболее ярких подтверждений Библии, полученных в результате недавних открытий в Египте, Ассирии, Вавилонии, Палестине и Малой Азии. С факсимиле по фотографиям. 3s. fabric boards.

"Все, кто хочет понять Библию, и все, кто интересуется древней историей, должны приобрести ее" - *Leeds Mercury*.

3. НЕДАВНИЕ ОТКРЫТИЯ НА ХРАМОВОМ ХОЛМЕ В ИЕРУСАЛИМЕ. Преподобный Дж. Кинг, магистр гуманитарных наук, уполномоченный лектор Фонда исследования Палестины. С картами, планами и иллюстрациями. 8vo., 2s. 6 д., тканевый переплет.

"Интересная небольшая книга, заслуживающая внимания" - *Literary Churchman*.

"Отличный и недорогой сборник информации по предмету, представляющему большой и постоянный интерес".

4. ЖИЗНЬ И ИСТОРИЯ ВАВИЛОНЯН. Э. А. Уоллис Бадж, М.А., Кемб., ассистент отдела восточных древностей Британского музея. Иллюстрированная. Crown 8vo., 3s. fabric boards.

"Восхитительное дополнение к этой превосходной серии "Пути познания Библии". Метод мистера Баджа обоснован, а его книга достойна его репутации" - *Saturday Review*.

"Очень удобная для чтения небольшая книга, которая расскажет широкому читателю все, что ему нужно знать о жизни древнего народа Халдеи" - *Athenæum*.

5. ГАЛИЛЕЯ ВО ВРЕМЕНА ХРИСТА. Селах Меррилл, доктор философии, автор книги "К востоку от Иордана" и др. С картой. Crown 8vo., 2s. 6 д., тканевый переплет.

"Книга будет полезна всем, кто желает понять, в каком окружении провел Свою земную жизнь наш Господь, и особенно полезна для исправления некоторых ложных представлений, получивших широкое распространение, *например*, распространенного мнения, что Назарет был маленьким, неясным и безнравственным местом." - *Congregationalist*.

6. ЕГИПЕТ И СИРИЯ. Их физические особенности в связи с библейской историей. Сэр Дж. У. Доусон, F.G.S., F.R.S., президент Британской ассоциации, 1886 год. Второе издание, переработанное и дополненное. Crown 8vo., 3s. fabric boards.

"Эта книга - одна из самых интересных в серии, к которой она принадлежит. Это результат личных наблюдений и работа практикующего геологического обозревателя..... Вопросы, поднятые в этом небольшом томе, обсуждаются в свете самых передовых знаний и большого научного кругозора, и в то же время с большим религиозным благоговением."-*British Quarterly Review*.

7. АССИРИЯ: ее князья, священники и народ. А. Н. Sayce, M.A., LL.D., автор книг "Свежий свет древних памятников", "Введение в Эзру, Неемию и Эсфирь" и др. Иллюстрированная, 3 с., тканевый переплет.

"Маленький шедевр, он представляет с научной точностью и в то же время в популярной форме все, что имеет самое существенное значение в реализованной информации об истории и жизни этого старого мира."-*Christian Leader*.

8. ОБИТАТЕЛИ У НИЛА. Главы о жизни, литературе, истории и обычаях Древнего Египта. Автор: Э. А. Уоллис Бадж, M.A., ассистент отдела восточных древностей Британского музея. Crown 8vo., cloth boards. Со многими иллюстрациями. 3s. cloth.

"Маленькая книга, содержащая огромное количество информации об этой исторической стране, Египте..... История и объяснение иероглифов, а также открытие их толкования рассказаны доходчиво и умело."-*Times*.

9. БОЛЕЗНИ БИБЛИИ. Сэр Дж. Рисдон Беннетт, доктор медицины, экс-президент Королевского колледжа врачей. 2s. 6d. fabric.

"Мы не можем не похвалить эту работу, как из-за предметов, которые в ней рассматриваются, так и за ее внутреннюю литературную ценность" - *Провинциальный медицинский журнал*.

10. РАСТЕНИЯ БИБЛИИ. У. Х. Гросер, бакалавр наук, иллюстрированная. 3s. fabric boards.

"Полезный небольшой том для учителей и читателей Библии" - *Saturday Review*.

"Помимо своей религиозной ценности, этот небольшой том должен понравиться всем любителям ботаники" - *Times*.

11. ЖИВОТНЫЕ БИБЛИИ. Г. Чичестер Харт, бакалавр наук, натуралист арктической экспедиции сэра Г. Нареса и палестинской экспедиции профессора Халла. Illustrated. Crown 8vo., 3s. cloth.

"Капитальное пособие для учителей. Алфавитное расположение удобно, гравюры хороши, информация ясна, точна и почерпнута из лучших авторитетов, а также из наблюдений писателя как путешественника и студента естественной истории в Палестине и Сирии. Похвальная тщательность проявлена в разъяснении неясных моментов и сомнительных переводов. К книге прилагается классифицированный список различных животных, рыб, птиц и пресмыкающихся, а также указатель ссылок на Священное Писание, который будет полезен читателям и учителям" - *Saturday Review*.

"Наиболее полное, удобное и точное описание животных, упомянутых в Писании. Иллюстрации повышают ценность книги."-*British Weekly*.